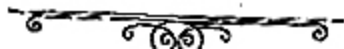

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

ТРИЗНЫ.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ
ЧЕХОВЪ.

...не забывайте
...не бросайте
...перестаньте
...отради

I.

Бочкаревымъ. Изданіе мнѣ не нравится: слишкомъ хаотическая свалка сырого матеріала, не только не комментированнаго, но и врядъ ли редактированнаго. Немного труда стоило бы, если бы изданіемъ завѣдывалъ литераторъ и современникъ Чехова, обратить даже этотъ скороспѣлый сборникъ въ документальную исторію литературы восьмидесятниковъ, въ лѣтопись восьмидесятнаго писательства. Среди оглашенныхъ уже корреспондентовъ Антона Павловича два имени, такъ сказать, сами напрашиваются на такую повѣрочную и толковательную роль: В. А. Тихоновъ и И. Л. Щегловъ. Оба—восьмидесятники въ полномъ смыслѣ слова: и по возрасту, и по характеру, и по психологіи жизни и дѣятельности. Оба отлично и долго знали Чехова и стоятъ въ курсѣ всѣхъ его знакомствъ. Оба блестящіе литературные мастера и знатоки языка чеховской эпохи. Оба, а въ особенности Тихоновъ, варились въ литературномъ котлѣ одновременно съ Антономъ Павловичемъ и потому болѣе, чѣмъ кто либо другой, способны комментировать обильные намеки и краснорѣчивыя умолчанія, которые нынѣ, будучи разсыпаны по перепискѣ, дѣлаютъ ее для обыкновеннаго средняго читателя «подобною исторіи мидянъ, то-есть темною и баснословною». Наконецъ, оба они, какъ чистые литераторы, пишущіе не особенно много и не срочно, располагаютъ временемъ, нужнымъ для такого серьезнаго и внимательнаго труда, а какъ писатели внѣпартійные, сумѣютъ остаться безпристрастными возстановителями Чехова во имя Чехова, каковъ онъ былъ, есть и вѣчно пребудетъ, а не тянуть его ни вправо, ни влево, ни къ Суворину, ни къ «Міру Божьему». А то вѣдь тенденціозное пользованіе письмами Чехова уже началось—и, къ сожалѣнію, съ обѣихъ сторонъ: и справа, и съ умѣреннаго лѣва. «Новое Время» перепечатало изъ сборника г. Бочкарева письмо Чехова къ И. И. Орлову съ жестокимъ разнесомъ интеллигенціи, но хитренько выпустило строки о томъ, какую интеллигенцію Чеховъ имѣлъ въ виду:

— Вспомните, что Катковъ, Побѣдоносцевъ, Вышне-

градскій,—это питомцы университетовъ, это наши профессора; отнюдь не бурбоны, а профессора, свѣтила. *)...

Наоборотъ въ передовой печати тоже цензуруютъ по своему. Читаю въ столичной лѣвой газетѣ выдержку изъ письма къ Плещееву:

— Имѣніе С—гиныхъ велико и обильно, но старо, запущено и мертво, какъ прошлогодняя паутина. Домъ осѣль, двери не затворяются, изразцы на печкѣ выпираютъ другъ друга и образуютъ углы, изъ щелей половъ выглядываютъ молодые побѣги вишенъ и сливъ. Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, между окномъ и ставней, соловей свилъ себѣ гнѣздо. На ригѣ живутъ солидные аисты. На пасѣнкѣ обитаетъ дѣдъ, помнящій царя Гороха и Клеопатру Египетскую. Все ветхо и гнило, но зато поэтично, грустно и красиво въ высшей степени.

— Настоящее стихотвореніе въ прозѣ!—воскликаетъ газета.

Совершенно справедливо. Но моя проклятая справочная память подсказывала мнѣ, что это стихотвореніе въ прозѣ я уже какъ будто читалъ, и чего то не достаетъ въ немъ по тексту, приведенному въ газетѣ. Получивъ сборникъ г. Бочкарева, разыскалъ цитату въ оригиналѣ. И что же? Между «соловей свилъ себѣ гнѣздо» и «на ригѣ живутъ солидные аисты» нахожу еще подробность, быть можетъ, самую трогательную во всей картинѣ:

— ... и при мнѣ вывелись маленькіе голенькіе соловейчики, похожіе на раздѣтыхъ жиденятъ.

Газета, видите ли, сконфузилась за Чехова, какъ это юнъ въ 1888 г. могъ обмолвиться словомъ «жиденокъ», и прошла по «стихотворенію въ прозѣ» редакціоннымъ карандашомъ, съ благою цѣлью спасти, по крайней мѣрѣ, читателей-то своихъ отъ язвы сомнѣнія: а вдругъ Чеховъ, употребляя столь непринятое реченіе, выдаетъ тѣмъ самымъ,

*) Цитирую по перепечаткѣ «Од. Нов.».

что втайнѣ онъ былъ антисемитъ? Въ усердіи прикрыть чеховскій грѣхъ, газета совсѣмъ позабыла, что пишетъ о «соловейчикахъ» ближайшій и интимнѣйшій другъ Левитана — ближайшему и интимнѣйшему другу Надсона, и что спасти такую компанію отъ небывалыхъ подозрѣній въ антисемитизмѣ значитъ безтактнѣйшимъ образомъ ломиться въ открытыя ворота. Глупѣе пресловутаго чириковскаго инцидента! Двадцать одинъ годъ тому назадъ люди не были столь щепетильны въ выборѣ классовыхъ словъ, какъ сдѣлались теперь въ обостреніи партійныхъ битвъ на почвѣ политики и журналистики. Если смущаться «соловейчиками» Чехова и Плещеева, то кто же изъ тогдашнихъ друзей еврейскаго народа останется внѣ сомнѣній? «Соловейчики» найдутся рѣшительно у всѣхъ старыхъ русскихъ гуманистовъ — даже подъ конецъ царствованія Александра III включительно, потому что тогда слова эти отнюдь не заключали въ себѣ нынѣшняго намѣренія оскорбить еврея: этотъ смыслъ придала имъ націоналистическая травля послѣднихъ двадцати лѣтъ, вкоренившая ихъ въ лексиконъ правой, какъ свирѣпое ругательство, и потому сдѣлавшая ихъ невозможными въ устахъ и подъ перомъ человѣка просвѣщеннаго, свободолюбиваго и свободомыслящаго. Сигналь къ осторожности въ этомъ отношеніи дали, конечно, главнымъ образомъ, рѣзкости и глумленія «Новаго Времени», на которыя передовая часть русской печати отвѣчала протестомъ повышенной деликатности къ еврейству и систематическимъ подчеркиваніемъ своей къ нему симпатіи и съ нимъ солидарности. Раньше же мало кто задумывался надъ выборомъ словъ для обозначенія еврейскаго происхожденія, да и сами евреи еще очень мало заботились о выборѣ. Поэтому слова, исключенныя нынѣ литературнымъ языкомъ въ ругательный репертуаръ «истинно-русской» правой, прежде летали въ любомъ рускомъ интеллигентномъ кругу съ такою же легкостью и невинностью, какъ держатся они и по сейчасъ въ языкѣ польскомъ.

Такъ вотъ, говорю я: подошелъ къ Чехову человѣкъ справа—обчекрыжилъ, чтобы повернуть Чехова на свой солтыкъ, Каткова, Побѣдоносцева, Вышнеградскаго. Подошелъ пріятель слѣва—ужаснулся «соловейчиковъ» и, не долго думая, выкралъ ихъ изъ чеховскаго гнѣзда. Мистики сорвались на чеховскомъ матеріализмѣ, ясномъ, какъ день, и точно, какъ таблица умноженія, но бывали передержки съ попытками пристегнуть его даже и къ этой упряжкѣ, хотя бы пассивно, въ качествѣ «отчаяннаго», какъ поучительную жертву рокового пессимизма, наказующаго невѣріе. Иные фанатики позитивизма точно такъ же конфузятся эстетическихъ наклонностей Чехова, въ особенности его религіознаго эстетизма, и замалчиваютъ либо, лишь мелькомъ рисуютъ, какъ чудачество, его наблюдательное вниманіе къ церковной службѣ, которую онъ превосходно зналъ, къ мистическому экстазу и т. п. Въ другомъ мѣстѣ, я уже писалъ однажды, что послѣдовательнѣйшіе и совершеннѣйшіе позитивисты русскіе, которыхъ знавалъ я въ жизни своей, были въ то же время знатоками священнаго писанія и церковнаго обряда. Чупровъ, Чеховъ, Германъ Лопатинъ. Послѣдній еще недавно, при мнѣ, оказался въ текстахъ гораздо бойчѣе самого Григорія Петрова.

Словомъ, Чеховъ сейчасъ—всероссійскій кумиръ, культурныя мощи для разносторонней и разнообразной интеллигенціи, и каждой изъ группъ въ послѣдней очень хочется перенести угодника въ свой приходъ, а, для удачи въ этомъ предпріятіи, однѣ черты въ его біографіи помазать, другія раздуть и выставить на первый планъ. Живому Чехову, съ его строго научнымъ міросозерцаніемъ, съ мыслью, ничто бы не могло быть противнѣе такой роли—явленнаго приходскаго патрона. И во имя мертваго, и ради живыхъ, надо выручать Чехова изъ подобныхъ притязаній, и благо тому изъ живыхъ друзей его, кому дано будетъ и кто сможетъ тѣмъ заняться. Это цѣль, достойная не только кружка, устроеннаго по дружескому соглашенію, но и цѣлой литера-

турной комиссіи. Чеховъ,—это гигантское чудотворное зеркало русской обывательщины,—нуженъ Россіи, какъ Чеховъ. Превращать Чехова въ полый идолъ, изъ котораго, какъ въ баснѣ Крылова, сегодня поговорить одинъ жрецъ, завтра другой,—преступно со стороны жрецовъ, для внимающихъ жрецамъ—обманно и вредно, а для памяти Чехова—унизительно.

Навязчивую идею о романѣ,—потому что въ восьмидесятихъ годахъ желаніе это мучило Антона Павловича именно какъ навязчивое, сверхъ-произвольное,—широко отражаетъ переписка Чехова съ Плещеевымъ.

«Лѣтомъ буду коптѣть надъ романомъ. Свой романъ посвящу я вамъ—это завѣщала мнѣ моя душа».

«Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мнѣ кажется, что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ».

Это—мажорное вступленіе. *Allegro maestoso* ликующаго таланта. Но оно быстро переходитъ въ тягучіе темпы задумчиваго (*Andante*):

«Романъ значительно подвинулся впередъ и сѣлъ на мель въ ожиданіи прилива... Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ».

Эта послѣдняя фраза—уже скептическая модуляція изъ мажора въ миноръ. Затѣмъ начинается непрерывное *lamentabile* въ тонахъ самаго унылаго разочарованія:

«Писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь».

«Романъ мой на точкѣ замерзанія. Онъ не сталъ длиннѣе»...

«Романъ будетъ конченъ года черезъ три-четыре».

«Если-бъ деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисомъ, и написалъ бы романъ въ 1—2 мѣсяца... Впрочемъ, вру: будь у меня на рукахъ деньги, я такъ бы завертѣлся, что всѣ романы полетѣли бы вверхъ ногами».

Такова общая схема всѣхъ приступовъ Чехова къ за-вѣтной мечтѣ своей. Съ меньшею яркостью и большимъ лаконизмомъ, но въ той же опредѣленности, вы найдете ее въ перепискѣ Чехова съ Тихоновымъ, Щегловымъ. И, на ряду съ страстнымъ и никогда неудовлетвореннымъ вождель-ніемъ къ роману, неизмѣнно презрительное, а часто открыто враждебное отношеніе къ драматическому творчеству, которое, однако, не только окончательно укрѣпило славу и литературный авторитетъ Антона Павловича, но и поставило его на совершенно исключительное мѣсто въ ряду русскихъ литераторовъ. Только о троихъ во всей исторіи русской словесности можно со справедливостью утверждать, что они создали свой театр: Гоголь, Островскій, Чеховъ. А вѣдь наше театральное прошлое не блѣдно ни талантливыми драматургами, ни пьесами-одиночками, которыя часто бывали значительнѣе и сильнѣе пьесъ Островскаго и Чехова. «Горе отъ ума», трилогія Сухово-Кобылина, «Горькая судьбина», «Власть тьмы», «На днѣ»—геніальные этапы русской театральной жизни. Грибоѣдовъ огромно оригиналенъ, Сухово-Кобылинъ часто поднимается до высотъ гоголева юмора, а сатира его еще жестче и рѣшительнѣе, Писемскій, какъ трагикъ-бытовикъ, конечно, и талантливѣе, и глубже, и сильнѣе Островскаго, Толстой также, а Максимъ Горькій пришелъ въ театръ съ новымъ міровоззрѣніемъ, новыми героями, новымъ языкомъ, и, что называется, перевелъ стрѣлку—открылъ для театра еще не хоженные рельсы. И, за всѣмъ тѣмъ, даже инстинктивно чувствуется невозможность говорить о театрѣ Грибоѣдова, Сухово-Кобылина, Писемска-

го, Льва Толстого, Максима Горькаго. Нѣтъ такого театра, никто изъ перечисленныхъ не внесъ въ свою эпоху такой драматической центральности, чтобы театръ сталъ ихъ, и отъ ихъ драматической центральности всякій чужой театръ, въ теченіе извѣстнаго литературнаго періода, опредѣлялся бы. Такихъ театровъ XIX вѣкъ, повторяю, для Россіи выдвинулъ только три: театръ Гоголя, Островскаго и—чеховскій, господствующій покуда безъ смѣнниковъ и преемниковъ. Мнѣ возразятъ: а Леонидъ Андреевъ? Отвѣчу: Леонидъ Андреевъ—очень талантливый человѣкъ и, кромѣ того, смысленный мастеръ, ловко и быстро созидающій сенсационныя пьесы, дѣлающія много шума и, въ соотвѣтствіи съ настроеніемъ минуты, имѣющія большой успѣхъ. Но «много пьесъ»—это еще не «театръ». Повелительной пьесы, которою создается театръ автора,—«Ревизора», «Грозы», «Вишневаго сада»,—г. Андреевъ еще не написалъ. Да и врядъ ли напишетъ: слишкомъ суетливъ его счастливый успѣхъ, и слишкомъ кинематографиченъ самый способъ его, мало заботливаго о длительности впечатлѣній, творчества.

Андреевъ несомнѣнно талантливѣе и умнѣе, даже, быть можетъ, культурнѣе великаго множества культурныхъ людей, но онъ не выше той культуры, среди которой онъ дѣйствуетъ, а напротивъ многого въ ней еще не осилилъ и во многомъ противъ нея запоздалъ. Поэтому сказать къ культурѣ какое-либо свое зиждительное слово онъ не въ состояніи, а, какъ разрушитель, онъ недостаточно сознателенъ и еще мыкается съ мучительными воплями рабской ненависти въ лабиринтахъ романтическихъ недосказанностей. Положительное знаніе давно уже освѣтило ихъ, но онъ, лѣнивый отсебятникъ и баловень суевѣрно упрощенной мечты, упрямо зажмурился, кричитъ, что ему темно и страшно, и всѣхъ зоветъ за собою въ темноту, чтобы вмѣстѣ стелать и бояться. Если бы русскіе теологи не были безнадежно ограничены и малограмотно схоластичны, они давно бы поняли, что Андреевъ—хоть и бунтующій, но, по существу, ихъ че-

ловѣкъ, и повернули бы его вопли въ свою пользу—хотя бы по іезуитскому рецепту Проктофантасмиста изъ «Вальпургіевой ночи», который радовался, что видитъ чертей, потому что существованіе злыхъ духовъ даетъ ему право вывести умозаключеніе и о существованіи добрыхъ ангеловъ *).

Не любя театра, Чеховъ, однако, создалъ свой театр. Влюбленный въ мечту о романѣ, онъ, за 25 лѣтъ литературной дѣятельности, къ 44 годамъ жизни, такъ и не успѣлъ написать романа.

Не «не сумѣлъ», какъ часто увѣряли его недоброжелатели, а, къ сожалѣнію, временами и самъ онъ думалъ, угнетенный повторными осѣчками, но именно «не успѣлъ». Мнѣ часто приходилось размышлять объ этой удивительной загадкѣ чеховской жизни, и теперь кажется мнѣ, что я нашелъ для себя ключъ къ ней въ слѣдующихъ строкахъ письма къ О. Д. Батюшкову:

— Вы выразили желаніе въ одномъ изъ вашихъ писемъ, чтобы я прислалъ интернаціональный рассказъ, взявши сюжетомъ что-нибудь изъ мѣстной жизни. Такой рассказъ я могу написать только въ Россіи, по воспоминаніямъ и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и чтобы на ней, какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно или типично.

Вотъ признаніе типическаго восьмидесятника. Подъ нимъ, по всей справедливости, должны расписаться рѣшительно всѣ литераторы, современники Чехова, начиная съ Альбова, который его старше лѣтъ на 6, продолжая Сологубомъ, который Чехову, вѣроятно, ровесникъ, кончая, пожалуй, хоть мною, который моложе Чехова на два года.

Чеховская жажда романа была присуща всѣмъ его ли-

*) См. объ этрй роли Андреева въ моихъ сборникахъ «Современники» и «Противъ теченія».

тературнымъ ровесникамъ, и ни одинъ не удовлетворилъ ея раньше, чѣмъ достигъ того возраста, въ которомъ Чеховъ сталъ уже умирать и творилъ лишь въ промежуткахъ борьбы за жизнь. Возьмите сочиненія Альбова: вы увидите, что въ 1903—5 годахъ онъ досказываетъ замыслы, роившіеся въ его головѣ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ и въ началѣ восьмидесятыхъ («День и ночь»). Сологубъ, послѣ незаслуженнаго холоднаго приѣма, оказаннаго «Тяжелымъ снамъ», промолчалъ почти двадцать лѣтъ и вернулся къ роману только въ «Мелкомъ бѣсѣ». Я задумалъ «Восьмидесятниковъ» еще въ 1889 году, а написать ихъ удалось лишь 15 лѣтъ спустя.

Эти огромные провалы сроковъ между замысломъ и исполненіемъ вы встрѣтите въ каждой литературной біографіи, начинающейся въ нѣдрахъ восьмидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ писателей, напереднихъ выгоднымъ понять слово «романъ» въ совершенно ремесленномъ смыслѣ длиннаго, листовъ на 20, повѣствованія о разныхъ любовныхъ приключеніяхъ, съ болѣе или менѣе эффектными сценами и разговорами, для болѣе или менѣе занимательнаго чтенія, безъ погони за идеей и «своимъ словомъ». Такихъ романовъ было написано огромное множество, но всѣ они,—даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда бывали хорошо написаны и широко читались (напримѣръ, романы Потапенки, безжалостно трепавшаго свой прекрасный талантъ на этомъ бесполезномъ поприщѣ),—сейчасъ, я думаю, даже самимъ авторамъ ихъ слабо припоминаются, хотя бы по именамъ. Это было не творчество и не художество, но просто поставка хорошаго литературнаго слога на грамотнаго пассажира желѣзныхъ дорогъ.

Отсутствіемъ романа попрекали литературу, спросъ на романъ былъ, а предложеніе не являлось. Два-три романа, издававшихся въ двадцатилѣтіи, написаны либо стариками (Л. Н. Толстой, Боборыкинъ), либо съ автобіографическою оглядкою лѣтъ на 20 назадъ (Эртель, Луговой). А то вы-

ходили въ свѣтъ художественныя повѣсти, которыя авторы то пробовали называть романами, но критика и публика снимала съ нихъ самозванный титулъ и авторовъ за искусство одобряла, но повѣсти, все-таки, такъ повѣстями и звала.

Оглядываясь на эти годы, когда мы всѣ ходили хронически беременные романами, а никакъ не могли разродиться, и сравнивая наше трагикомическое положеніе съ литературнымъ движеніемъ нынѣшняго времени, когда романы пекутся, какъ блины, и литераторъ къ тридцати годамъ оказывается уже авторомъ трехъ, четырехъ и болѣе томовъ, успѣвшихъ ярко напумѣть на книжномъ рынкѣ, я невольно думаю, что «воспоминанія» и «сознаніе нормы», которыхъ не доставало Чехову, чтобы написать романъ, выливались для всѣхъ насъ въ общее опредѣленіе:

— Безсиліе синтеза.

Или, по крайней мѣрѣ:

— Синтетическое безвремяе и междуцарствіе.

Восьмидесятники вошли въ жизнь, когда великіе синтезы сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ были или разбиты и изжиты, либо жестоко испошлены. Какъ отрицательно и предубѣжденно,—по тогдашнему, справедливо отрица-тельно и справедливо предубѣжденно,—относились мы тогда къ синтезамъ прошлаго, лучше всего засвидѣтельствуютъ чеховскія письма къ И. И. Орлову—объ интеллигенціи, къ Плещееву—о либерализмѣ, къ Щеглову—о солидарности и о Рачинскомъ. Наша юность прошла въ кошмарѣ тяжкихъ отвращеній, непрерывно вырабатываемыхъ бездошаднымъ анализомъ, унаслѣдованнымъ, какъ научный методъ, отъ шестидесятыхъ годовъ, но обостренномъ и усовершенствованномъ въ такихъ размѣрахъ, до такой тѣнкой мелочности, что нигилистамъ шестидесятыхъ годовъ и во снѣ не снилось. Базаровъ и Писаревъ, сравнительно съ людьми восьмидесятыхъ годовъ, окажутся, конечно, широкими синтетиками (какъ бы странно ни звучалъ здѣсь пара-

докъ этотъ)—уже потому, что у нихъ была религія извѣстныхъ научныхъ системъ и соціальныхъ принциповъ, которой мы почти уже не застали, потому что она частію была приглушена, частію выдохлась, частію разсѣялась въ сектахъ, частію укрѣпилась въ своего рода господствующей церкви, угрюмо нетерпимой и цензорски враждебной ко всякой свободной мысли, внѣ ея катехизиса. «Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ, и мнѣ одинаково противны, какъ секретари консисторій, такъ и Н—тъ съ Гр—скимъ. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи. Потому я одинаково и не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святыя святыхъ—это человѣческое дѣло, здорровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода—свобода ютъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ».) Это писано Чеховымъ въ 1887 г. Если читатель полюбознѣтствуетъ заглянуть въ первый томъ моихъ «Восьмидесятниковъ», онъ найдетъ почти дословныя рѣчи въ устахъ молодого литератора Брагина. Меня часто спрашиваютъ, кого я имѣлъ въ виду, когда писалъ эту фигуру. То-то вотъ и есть, что никого,—не портретъ писалъ, а общій жанръ. Всѣ молодые литераторы того времени, за немногими строгими исключеніями вродѣ непогрѣшимаго Короленка, кипѣли подобными мыслями, до такой степени всѣ, что—вотъ—теперь оказывается, рѣзче, чѣмъ кто-либо иной, выражалъ ихъ даже Антонъ Павловичъ, хотя онъ на Брагина былъ совсѣмъ не похожъ, ни съ которой стороны. Это стояло столбомъ въ воздухѣ. Все равно, какъ у Эртеля въ перепискѣ, обнародованной теперь, въ 1909 г., я нашелъ ту самую типическую игру словами «идеаль» и «идоль», которою въ моихъ «Восьмидесятникахъ» Антонъ Ар-

сеньевъ дразнить Брагина. А глава эта написана и напечатана мною еще въ 1903 году .

Аналитическая способность въ восьмидесятномъ поколѣніи развилась до «атомизма», какъ удачно характеризовала творчество Чехова г-жа З. Гиппиусъ. Но синтетической идеи, вокругъ которой могло собраться это аналитическое наблюдение, у насъ не было. А слѣдовательно, не могла въ нашемъ поколѣніи возникнуть и та большая синтетическая цѣлесообразность, которая называется романомъ. Наши жизни ушли въ то, что мы аналитически готовили и изслѣдовали матеріалы для своихъ романовъ. Но центральныя силы той нормы, во имя которой матеріалы эти должны были сложиться въ романы, ради которой стоило созидать огромное литературное зданіе, у насъ не было,—и зданія не создались. А начали они создаваться тогда, когда возрастъ далъ поколѣнію естественный синтезъ, котораго не минуетъ рано или поздно ни единый мыслящій человѣкъ, и о которомъ уже смолodu предчувственно говорилъ Чеховъ: синтезъ опытной «нормы» и историческаго «воспоминанія».

Нынѣшній литераторъ возникаетъ на почвѣ новаго богатаго выбора синтезовъ, догматически опредѣлившихся въ девяностыхъ годахъ XIX и подъ революціонными громами начавшагося вѣка. Марксъ, Ницше, самозавѣршенный, наконецъ, Толстой, познаніе Ибсена, аморальный бунтъ эстетики принесли новыя лозунги—средоточія для атомистическаго наблюденія и кружащихся вокругъ него идей. И романъ вернулся къ жизни и опять сталъ обычною и ходовою формою художественнаго труда. Арцыбашевъ—сравнительно съ Чеховымъ—малютка по таланту и умственной силѣ, «Санинъ» его—вещь грубая, холодная, рассчитанная на успѣхъ общественаго скандала, но—романъ. Настоящій романъ по формѣ и содержанію, романъ въ старомъ вѣчномъ типѣ Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго и шедшихъ за ними меньшихъ божковъ. Романъ синтетическаго типа и

значенія, обращенный къ перспективамъ непосредственной современности. И «Прудъ» Ремизова, и «Бабаевъ» Сергѣева-Ценскаго, и «Конь блѣдный» Ропшина—все это, можетъ быть, слабо, какъ искусство и правда наблюденія, но все это—романы. Той же породы, что «Отцы и дѣти», «Преступленіе и наказаніе», «Анна Каренина». То—львы, теперь—юшки, но порода-то одна. А гениальный атомистъ Чеховъ такъ и умеръ, не написавъ романа.

Мы—восьмидесятники, въ современности нашей только аналитики—находимъ дорогу синтетическаго творчества лишь когда жизнь становится повѣрочною оглядкою на прошлое,—исторіей. Торжествуемъ, такъ сказать, праздникъ «задняго ума».

Чеховъ былъ бы величайшимъ художественнымъ историкомъ своей эпохи. Но судьба была жестока: до спокойствія историческихъ перспективъ Антонъ Павловичъ не дожилъ.

Cavi di Lavagna.
1909. VII, 6.

II.

Вотъ—предо мною лежать два тома, посмертно украшенныхъ именами двухъ русскихъ писателей. Одно имя огромное: Чеховъ. Другое—величины средней, но почтенное, солидно заслуженное и, во всякомъ случаѣ, такое, что въ лѣтописяхъ россійской литературы оно навсегда останется, если не въ памяти большой публики, то какъ историческій примѣръ, въ качествѣ полезной для будущихъ критиковъ-исследователей и чрезвычайно типической характеристики нашего восьмидесятаго слабосилія. Это—Эртель.

Письма Эртеля изданы съ образцовою красою, и редакціонною, и типографскою. Этакій томъ пріятно и въ руки взять, и прочитаты, и въ бібліотеку на полку поставить.

Великолѣпный портретъ, автобіографія, обстоятельная вступительная статья Гершензона, письма печатаются съ разъясняющими отвѣтами адресатовъ, къ своей перепискѣ В. Г. Чертковъ сдѣлалъ спеціальныя примѣчанія. Словомъ, Эртель глядитъ со страницъ писмовника своего, какъ живой, —вылился цѣликомъ и настолько ясно, что самъ превратился въ глубокій художественный образъ, заставляющій читателя много чувствовать и думать, но не возбуждающій въ немъ никакихъ шероховатыхъ недоумѣній, отъ предмета изученія не зависящихъ. «Московское книгоиздательство» Эртелемъ показало, какъ надо издавать писательскія письма, чтобы они стали памятникомъ автору. Это и умно, и дѣльно, и роскошно, и дешево: свободные два рубля отдать за такое фундаментальное пріобрѣтеніе никому не жалъ, если, конечно, рубли водятся. Духовная же стройность книги такова, что—сдается мнѣ, будто Эртель, какъ авторъ «Писемъ», надолго переживетъ Эртеля, автора «Волхонской Барышни», «Бабьяго Бунта», «Минеральныхъ Водъ» и многихъ иныхъ страницъ, уже нынѣ утратившихъ свой интересъ даже въ качествѣ музейной предпотошности.

Съ печалью приходится сказать совсѣмъ инныя слова о сборникѣ писемъ А. П. Чехова, собранныхъ Б. Н. Бочкаревымъ. На заглавномъ листѣ этой довольно сѣрой книжки красуется помѣтка, что «доходъ съ изданія поступить на устройство комнаты имени А. П. Чехова въ санаторіи для легочныхъ больныхъ «Яузляръ» въ г. Ялтѣ». Признаюсь, я предпочелъ бы, чтобы помѣтки этой не было. Устроить комнату имени Чехова въ санаторіи Яузляръ—дѣло въ высшей степени почтенное, и обратить именно на эту цѣль доходъ съ чеховскаго писмовника со стороны г. Бочкарева даже красиво. Но лучше было бы, чтобы доходъ достигъ своего благотворительнаго назначенія безъ предувѣдомительной помѣтки, придающей теперь такому важному литературному и общественному событію, какимъ долженъ былъ бы явить-

ся первый сборникъ чеховскихъ писемъ, характеръ филантропической случайности.

Я сильно сомнѣваюсь даже въ спекулятивной-то необходимости благотворительнаго примѣчанія. Кто не купитъ писемъ Чехова ради самого Чехова, тотъ врядъ ли разжалобится истратить на нихъ рубль свой ради намѣренія г. Бочкарева устроить комнату имени Чехова въ санаторіи Яузлярь. Въ концерты и спектакли съ благотворительною цѣлью публика несетъ деньги не ради страдающихъ черногорцевъ или школы въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, для которыхъ они устраиваются, а потому, что будетъ пѣть Собиновъ или Шаляпинъ, играть Коммиссаржевская или Савина. Чехова достаточно, чтобы сдѣлать нужный г. Бочкареву сборъ, и надо было оставить Чехова работать и отвѣчать за самого себя, во всю величину и строгость его литературнаго авторитета, а не включать его въ благотворительныя рамки, отнимающія у сборника довѣріе къ его серьезности и заранѣе просящія извиненія за спѣхъ и недостатки изданія: вѣдь, это же съ благотворительною цѣлью! Истинные любители музыки избѣгаютъ посѣщать благотворительные концерты, потому что участвующіе въ послѣднихъ, какъ бы знамениты ни были, поютъ и играютъ не такъ, какъ въ профессиональныхъ и отвѣтственныхъ своихъ публичныхъ выступленіяхъ: тѣхъ же щей, да пожже влей. Въ симфоническомъ концертѣ—Вагнеръ, Мусоргскій, Бородинъ, а въ филантропическомъ—и съ Блейхманомъ будете хороши! А бываетъ и такъ, что обѣщанная афишею знаменитость вовсе не пріѣдетъ, и, вмѣсто Собинова или Шаляпина, приходится бѣдной публикѣ наслаждаться декламаціей какого-нибудь г. Поплевина и пѣніемъ дѣвицы Зяблевой. А сердиться нельзя, не принято: благотворительная цѣль все извиняетъ и покрываетъ.

Если письмовникъ Эртеля отмѣченъ всѣми достоинствами профессиональнаго и платнаго симфоническаго концерта, то письмовникъ Чехова, наоборотъ, страдаетъ всѣми

недостатками концерта благотворительнаго. Письма, въ большинствѣ, великолѣпны, и многія изъ нихъ справедливо сравниваются уже въ печати съ пушкинскими. Но предстали они читателю въ безобразномъ видѣ неразработанной руды, хаосомъ сырого матеріала, испещренныя ребусами инициаловъ, темныя отъ интимныхъ намековъ и шутокъ, совершенно непонятныя безъ комментарія. Я лично про себя могу сказать, что, по крайней мѣрѣ, десятокъ такихъ шарадъ остался мнѣ неяснымъ. Между тѣмъ, я зналъ Чехова съ перваго его литературнаго шага до послѣдняго дня, съ большинствомъ нынѣ оглашенныхъ его корреспондентовъ знакомъ, а съ нѣкоторыми даже давно и хорошо друженъ. Такъ, вотъ, если, тѣмъ не менѣе, чеховскій писемовникъ и меня, сравнительно «свѣдущаго человѣка», оставляетъ не безъ загадокъ, то сколько же ихъ выхолзаетъ изъ текста для читателя, въ житейскую и литературную обстановку Чехова не посвященнаго? Эртеля я совершенно не зналъ. Видѣлся съ нимъ только одинъ разъ—у М. М. Ковалевскаго и, прослушавъ при знакомствѣ его, слишкомъ тихо произнесенную, фамилію, только по уходѣ его узнать, что этотъ интереснѣйшій и талантливый собесѣдникъ былъ не кто иной какъ Эртель. И вотъ, однако, благодаря гг. Гершензону, Черткову и др., переписку совершенно неизвѣстнаго мнѣ Эртеля я читаю безъ всякихъ недоумѣній, а въ перепискѣ хорошо извѣстнаго мнѣ Чехова, то и дѣло, ставлю на поляхъ вопросительные знаки или нотабене.

Что, напримѣръ, читатель можетъ понять изъ намековъ о «рябой бабѣ», которые проходятъ по перепискѣ Чехова съ драматургомъ В. А. Тихоновымъ? Мнѣ эти знакомые намеки настолько смѣшны, что, читая ихъ, я хохочу даже наединѣ съ самимъ собою. Далъ вчера переписку эту читателямъ, очень интеллигентнымъ и страстнымъ чеховцамъ: даже не улыбнулись, говорятъ,—объ ерундѣ какой-то переписывались. И совершенно правы: не зная Тихонова съ его неподражаемою способностью къ психологическимъ импрови-

заціямъ, не только оцѣнить этой, уморительной въ трагикомизмъ своемъ, «рябой бабы», но даже и догадаться о ней нельзя. Комментировать переписку свою съ Чеховымъ, конечно, только Тихоновъ въ правѣ. Но безъ комментаріевъ не слѣдовало г. Бочкареву ее и выносить въ публику.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами недоумѣній, останусь, покуда, въ предѣлахъ той же переписки.

«Я, вопреки Вагнеру, вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ «ни слономъ среди насъ» и ни какимъ-либо другимъ звѣремъ, и что мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія,—не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Т., не К., не Ш., не Б., не Б., а «восьмидесятые годы», или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ артель»...

Мысль глубокая, вѣрная, исторически важная и—въ нашемъ поколѣніи однолѣтковъ Чехова—замѣчательно общая. Я не зналъ этихъ чеховскихъ строкъ, когда писалъ въ «Восьмидесятникахъ» разсужденія Антона Арсеньева о «послѣднемъ геніальномъ юношѣ» (Владимірѣ Соловьевѣ) и о надеждѣ поколѣнія оправдать себя «второю молодостью». Но проклятая нѣмота инициаловъ отнимаетъ у мысли Чехова конкретную опору. Живымъ лицомъ, а не алгебраическимъ знакомъ, остается въ перечнѣ предъ лицомъ читателя одинъ Чеховъ, и, чрезъ то, совершенно вѣрное положеніе расплывается въ сомнительную фразу литературнаго самоуниженія, либо кокетства, напрашивающагося на комплиментъ. Потому что въ 1889 году, къ которому относится это письмо, Чеховъ, конечно, и былъ уже, и чувствовалъ себя «слономъ среди насъ». Да и какого же еще рожна, съ позволенія сказать, нужно поколѣнію, если въ немъ, вдругъ, оказывается—даже Чеховъ не слонъ? Литературное кокетство было Чехову чуждо. Думалъ онъ о себѣ скромнѣе, чѣмъ могъ бы и даже чѣмъ слѣдовало бы, но силы свои зналъ и понималъ и къ самоуниженію былъ неспособенъ. Единственный пробѣлъ въ талантѣ, который, въ самомъ дѣ-

лѣ, смущалъ и пугалъ его—это, что ему никакъ не удавалось написать большой романъ. Впереди алгебраическихъ знаковъ Чеховъ могъ поставить себя изъ деликатности, но теперь, когда онъ—достояніе исторіи, эта деликатность только затемняетъ и портитъ его формулу. Подставьте въ нее на мѣсто алгебраическихъ знаковъ настоящія величины и чеховская «артель» пріобрѣтетъ совсѣмъ новую историческую выразительность. Вы получите осязательное и никому не обидное доказательство, что Чеховъ былъ глубоко правъ.

Чеховъ пишетъ Тихонову:

— Ваше «Безъ коромысла и утюга» шло недавно въ Одессѣ.

Читающій пошехонецъ или любознательная жительница Золотоноши могутъ вообразить, что В. А. Тихоновъ, въ самомъ дѣлѣ, написалъ пьесу подъ столь страннымъ названіемъ, тогда какъ рѣчь идетъ о весьма извѣстной комедіи «Безъ кормила и весла»—и для читающаго этотъ комментарий опять-таки совершенно мѣняетъ и тонъ, и значеніе дальнѣйшихъ разсужденій Чехова о профессіи драматурга, въ которыхъ онъ является адвокатомъ пьесы противъ ея мнительнаго автора.

Въ письмахъ 1891 года Чеховъ трижды обращается къ Тихонову съ денежными просьбами, свидѣтельствующими, въ отрывочности своей, какъ будто объ острой нуждѣ. Со стороны издателей было бы тактично сдѣлать примѣчаніе, что эти просьбы направлялись не лично къ В. А. Тихонову, который далеко не капиталистъ, но въ контору иллюстрированнаго журнала «Сѣверъ», созданнаго Тихоновымъ, какъ талантливымъ редакторомъ, въ издательствѣ извѣстнаго въ свое время типографа и ухъ, какого дѣльца!—Евдокимова. Обыкновенныя письма объ авансахъ литератора, которому нужны деньги, «чтобы обернуться», нельзя печатать такъ, чтобы они производили впечатлѣніе вопля человѣка въ послѣдней крайности. Вопиющей нужды Чеховъ не зналъ.

Думаю, что этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, до какой степени сырьемъ свалена чеховская переписка въ сборникѣ г. Бочкарева. А примѣры эти я взялъ только у одного изъ 26 корреспондентовъ, только съ 8 страницъ.

Ни на одномъ изъ напечатанныхъ въ сборникѣ писемъ нѣтъ помѣтокъ, куда оно было адресовано, что часто лишаетъ читателя ключа къ подробностямъ текста. Собственные даты Чехова, откуда письмо писано и когда, взяты безъ провѣрки. Напримѣръ: въ письмѣ къ В. М. Соболевскому, помѣченномъ, будто бы, 2 апрѣля (1899 г., Ялта), Чеховъ говоритъ:

— Я получаю очень много газетъ. Получаю и «Россію», и «Сѣверный Курьеръ».

Дата письма, очевидно, ошибочна, потому что покойная «Россія» начала выходить въ свѣтъ только 27 апрѣля 1899 г. (въ день десятилѣтія со смерти М. Е. Салтыкова), а «Сѣверный Курьеръ» много позже, къ осени.

Газеты обратили вниманіе на слѣдующее мѣсто въ письмѣ къ Д. В. Григоровичу:

— У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня, или видѣлъ во мнѣ художника. Въ Москвѣ есть, такъ называемый, «литературный кружокъ», таланты и посредственности всякихъ возрастовъ и мастей собираются разъ въ недѣлю въ кабинетѣ ресторана и прогуливаютъ здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть хоть кусочекъ изъ вашего письма, то мнѣ засмѣются въ лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на всю литературную мелкость...

Но ни одна газета, плакавшая надъ этою краснорѣчивою ламентацией, не пожелала замѣтить относящихся къ тому же предмету строкъ въ письмѣ къ В. Г. Короленко:

— Изъ письма (Григоровича) вамъ станетъ также извѣстно, что дѣе вы одинъ отъ чистаго сердца наставляли меня

на путь истинный, и поймете, какъ мнѣ стыдно. Когда я прочелъ письмо Григоровича, я вспомнилъ васъ, и мнѣ стало совѣстно. Мнѣ стало очевидно, что я неправъ.

Тутъ опять любопытная путаница дѣтъ. Письмо отъ Григоровича А. П. Чеховъ получилъ 8 января 1886 года. Письмо къ Короленко Чеховъ пишетъ 9 января. А отвѣтъ Григоровичу—только 28 марта 1886 года. Странная затяжка для человѣка, котораго «ваше письмо поразило какъ молнія». Но я не удивляюсь, если письмо къ Григоровичу писалось, дѣйствительно, 1½ мѣсяца: оно, во всей оглашенной перепискѣ Чехова, наиболѣе «литературное», т. е. сдѣланное. Видать, что человѣкъ пишетъ не къ старшему брату и товарищу, каковъ Короленко, но снизу—вверхъ, къ классику, авторитету. «Простите за длинное письмо и не вмѣняйте человѣку въ вину, что онъ первый разъ въ жизни дерзнулъ побаловать себя такимъ наслажденіемъ, какъ письмо къ Григоровичу». «Я такъ обласканъ и взбудораженъ вами, что, кажется, не листъ, а цѣлую стопу написалъ бы вамъ». Было бы странно заподозрить Антона Павловича въ неискренности его чувствъ къ Григоровичу, но, съ другой стороны, и восторженная взбудораженность не можетъ продолжаться полтора мѣсяца, тѣмъ болѣе въ такомъ спокойномъ и вдумчивомъ аналитикѣ, какъ Антонъ Чеховъ. Въ письмѣ много хорошаго постояннаго чувства, но нѣтъ страстнаго порыва: нѣтъ «минуты». Каждое слово обдуманно, взвѣшено, каждая фраза щегольски выточена. Другъ для другаі люди такъ не пишутъ, но «для потомства»—да.

На меня жалобы Чехова въ письмѣ Григоровича на то, что его не цѣнятъ, и презрительныя слова о «литературномъ кружкѣ» производятъ впечатлѣніе нѣкоторой искусственности. Во-первыхъ, въ связи съ датами писемъ: какъ это 9 января человѣкъ пишетъ Короленко объясненіе въ любви, какъ своему ангелу-хранителю, а 28 марта, совершенно позабывъ о своемъ ангелѣ-хранителѣ, плачется предъ Григоровичемъ на горькое свое московское одиночество?

Чѣмъ-тѣмъ другимъ, а короткостью памяти Антона Павловича нельзя упрекнуть было. Во-вторыхъ, кружокъ, на который Чеховъ жалуется, былъ именно имъ основанъ, вмѣстѣ съ покойными А. Д. Курепинымъ и Н. П. Кичеевымъ. Это было довольно любопытное начинаніе безъ устава. Я принадлежалъ къ нему и живо помню вечера, на которыхъ присутствовали Златовратскій, Пругавины, Гольцевъ, Астыревъ, Чупровъ, Ковалевскій и друг. Началось молодое, но скорѣ авторитетные старики взяли засилье и проквасили наши сборища. Иногда бывало интересно, но, въ общемъ, ужасно скучно. Былъ однажды и Короленко. Для меня визитъ его въ кружокъ памятенъ тѣмъ, что я въ тотъ же вечеръ читалъ одну молодую свою легенду—«подъ Гаршина»,—вызвавшую затѣмъ въ дискуссіи жестокія нападки, а Короленко за меня вступался. Скука кружка быстро отшибла отъ него насъ, молодыхъ членовъ, начиная съ А. П. Чехова. Но было бы несправедливо согласиться со словами Чехова:

— Если пойти мнѣ туда и прочесть хотя кусочекъ изъ вашего (Григоровича) письма, то мнѣ засмѣются въ лицо.

Въ московскихъ литературныхъ кругахъ уважали и цѣнили Чехова задолго до письма Григоровича. Даже и въ «Будильникѣ» уже на него никогда не смотрѣли, какъ на своего средняго человѣка—какъ на сотрудника довѣчнаго, вродѣ хотя бы тѣхъ же А. Д. Курепина, двухъ Кичеевыхъ, талантливаго Пальмина. Всѣмъ было ясно, что этотъ гость—недолгій, залетная птица, которая скорѣ развернетъ свои крылья широко и улетитъ далеко. Съ первыхъ же шаговъ «Антоши Чехонте», онъ встрѣтилъ не только товарищеское признаніе, но и восторженное подражаніе. Антоша Чехонте создалъ мѣстную школу. Два молодые юмориста—А. С. Грузинскій-Лазаревъ и Н. М. Ежовъ, нынѣ, пожалуй, уже сорокалѣтніе слишкомъ—вцѣпились въ первую чеховскую манеру на всю жизнь и достигли въ ней своеобразной виртуозности. Иные рассказы Грузинскаго, бывало, если читалъ я ихъ вслухъ, даже опытный Курепинъ,—человѣкъ, къ слову ска-

затъ, большаго литературнаго чутья и вкуса, хотя самъ не весьма даровитый,—принималъ за чеховскіе. Ожиданія и надежды на Чехова возлагались большія и вниманіе Москвы къ нему было значительно. Даже въ томъ самомъ кружкѣ, изъ-за котораго пошла теперь рѣчь,—помню,—А. И. Чупровъ, когда впервые попалъ въ нашу среду, отозвалъ меня въ сторону и просилъ:

— Покажи, пожалуйста, какой тутъ у васъ Чеховъ? Ужъ больно, говорятъ, любопытный малый...

Словомъ, «засмѣяться въ лицо» Чехову, если бы онъ прочелъ «хотя кусочекъ письма» Григоровича, врядъ ли могъ кто-либо, и онъ зналъ это очень хорошо. Такъ что «жалкія слова» вылились на бумагѣ подъ давленіемъ чувствительно-благодарнаго настроенія и, быть можетъ, какой-либо домашней непріятности. Да и читалось это письмо. Не помню, читалось ли оно въ кружкѣ, но въ Москвѣ о немъ очень знали, и Чеховъ изъ него секрета не дѣлалъ. И, конечно, не встрѣчалъ никакихъ насмѣшекъ, а, напротивъ, самое живое и радостное сочувствіе. Мы же, молодые, были прямо въ восторгѣ, что Чехову начинаетъ везти. Однажды даже шампанское пили по этому случаю: Курепинъ, Чеховъ, я, Евгеній Пассекъ, Гиляровский.

Въ письмѣ къ Ѳ. Д. Батюшкову отъ 11 января 1903 года читаешь съ удивленіемъ:

— Я прочелъ статью Альбова съ большимъ удовольствіемъ. Раньше мнѣ не приходилось читать Альбова, хотѣлось бы знать, кто онъ такой, начинающій ли писатель, или уже издавшій виды?

Если рѣчь идетъ не о беллетристѣ М. Н. Альбовѣ, это необходимо оговорить примѣчаніемъ, потому что иначе получается дикое впечатлѣніе, будто Чеховъ только на 24-й годъ литературной карьеры узналъ о существованіи одного изъ извѣстнѣйшихъ и любимыхъ писателей восьмидесятыхъ годовъ. Другого же Альбова, кромѣ беллетриста, большая публика не знаетъ и помнить не обязана.

Беллетристъ Альбовъ встрѣчается въ перепискѣ Чехова уже подъ 1888 годомъ—въ письмѣ къ И. Л. Щеглову:

— Вы, не говоря уже о талантѣ, разнообразны, какъ актеръ старой школы, играющій одинаково хорошо и въ трагедіи, и въ водевилѣ, и въ опереткѣ, и въ мелодрамѣ. Это разнообразіе, котораго нѣтъ ни у Альбова, ни у Бранцевича, ни у Ясинскаго, ни даже у Короленко... и т. д., и т. д.

Нельзя, чтобы страница 6-я, разговаривая съ Батюшковымъ, противорѣчила страницѣ 175-й, бесѣдующей съ Щегловымъ.

Но если продолжать розыски издательской неряшливости или неумѣлости въ сборникѣ г. Бочкарева, то придется по выраженію Чехова, написать не листъ, но цѣлую стопу. Г. Бочкаревъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ «надѣется продолжать это изданіе и опубликовать цѣлый рядъ еще неизданныхъ писемъ». Намѣреніе превосходное и достойное всякой поддержки, но г. Бочкареву надлежитъ позаботиться, чтобы впредь оно осуществилось въ порядкѣ и съ достоинствомъ серьезной симфоніи, а не благотворительнаго концерта, слаженного на авось и кое-какъ.

Переписка А. П. Чехова съ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ начинается обѣщаніемъ:

— Я запечатаю всѣ письма и завѣщаю распечатать ихъ черезъ 50 лѣтъ, à la Гаевскій, такъ что гончаровская заповѣдь, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», нарушена не будетъ, хотя я не понимаю, почему ее нарушить нельзя.

Если бы Чеховъ могъ видѣть гроба скороспѣлый винигреть, благотворительно устроенный изъ переписки его, ранѣе даже пяти лѣтъ съ его смерти, пожалуй, понялъ бы.

И не похвалилъ бы. Сказалъ бы низкимъ баскомъ:

— Послушайте же, нехорошо.

1909. VII. 2.

Cavi di Lavagna.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Н. М. Ежовъ напечаталъ какую-то, повидимому, непристойную статью объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. Самой статьи г. Ежова я не читалъ, видѣлъ только пространную перепечатку изъ нея въ «Одесскихъ Новостяхъ» и тамъ же негодующую статью г. Сѣдого.

Всѣ принципиальныя поправки, которые слѣдовало сдѣлать г. Ежову, г. Сѣдой использовалъ выразительно, и, если замѣтка его попадетъ въ руки г. Ежова, то я послѣдняго съ прочтеніемъ ея не поздравляю. Но есть еще фактическая сторона, которая г. Сѣдому, повидимому, неизвѣстна, а, между тѣмъ, она, какъ говорили москвичи въ жаргонѣ девяностыхъ годовъ, «имѣетъ свою кислоту и не лишена своей пріятности».

Дѣло то въ томъ, что г. Ежовъ, нынѣ упрекающій А. П. Чехова въ надменности и чуть не зложелательства къ товарищамъ его литературной молодости, — если сдѣлалъ дѣкующую литературную карьеру, — то всецѣло благодаря А. П. Чехову, который считалъ его талантливымъ человѣкомъ, нуждающимся лишь въ матеріальномъ обезпеченіи, чтобы развернуть свои беллетристическія способности. Г. Ежовъ, какъ московскій фельетонистъ «Новаго Времени», ставленникъ никого иного, какъ А. П. Чехова. Могу говорить объ этомъ съ полною увѣренностью, потому что г. Ежовъ вступилъ въ сказанную роль на мое мѣсто и съ моего согласія. Я былъ московскимъ фельетонистомъ «Новаго Времени» съ 1892 по 1896 годъ. Во время моихъ политическихъ путешествій по балканскимъ дѣламъ меня замѣняли въ 1894 году Е. В. Пассекъ (нынѣшній ректоръ юрьевскаго университета), и В. А. Гиляровскій, а въ 1896 году — Н. М. Ежовъ. Въ томъ же году я совсѣмъ перебрался въ

Петербургъ. Передъ отъѣздомъ моимъ Чеховъ видѣлся со мною и спрашивалъ:

— Кого вы оставляете на свое мѣсто?

— Я не знаю... зависитъ отъ соглашенія съ редакціей.

— Вы ничего не будете имѣть противъ, если я рекомендую Суворину Ежова?

— Сдѣлайте одолженіе! По моему—превосходный выборъ. Человѣкъ съ перомъ и хорошо знаетъ «маленькую» обывательскую Москву...

Чеховъ поставилъ г. Ежова на доходное мѣсто московскаго фельетониста «Новаго Времени», котораго г. Ежову безъ Чехова не видать бы, какъ своихъ собственныхъ ушей, потому что одна моя рекомендація была бы безсильна. И, какъ видно по годамъ, это было много позже послѣ того, какъ самъ Чеховъ пересталъ работать въ «Новомъ Времени». И сдѣлалъ онъ это, пользуясь тѣмъ благоговѣйнымъ, даже влюбленнымъ вниманіемъ, съ которымъ относился къ нему А. С. Суворинъ, независимо отъ его отношеній къ «Новому Времени». Сдѣлалъ исключительно затѣмъ, чтобы дать «прежнему товарищу по небольшимъ изданіямъ» возможность жить безбѣдно, не нуждаясь въ грошевомъ и полуслучайномъ заработкѣ отъ «Будильника» или «Осколковъ». Чеховъ считалъ г. Ежова человѣкомъ съ дарованіемъ и думалъ, что, поставивъ его въ условія матеріальной обеспеченности, онъ дастъ этому дарованію почву и ходъ. Къ сожалѣнію, онъ ошибся. Сдѣлавшись журналистомъ, г. Ежовъ беллетристику забросилъ и застрялъ на фельетонѣ корреспондентскаго типа. Чеховъ относился къ Ежову очень хорошо. Въ 1891 году я пріѣхалъ въ Москву изъ Тифлиса, послѣ двухлѣтней работы въ «Новомъ Обозрѣніи». Былъ у Чехова на Малой Дмитровкѣ въ домѣ, кажется, Фрейганга или Фирганга,—какая-то нѣмецкая фамилія, не помню. Имѣлось у меня, между прочимъ, порученіе къ нему отъ Н. Я. Николадзе: пригласить къ сотрудничеству. И вотъ—ходитъ передо мною Антонъ Павловичъ и гудитъ:

— Нѣтъ, Александръ Валентиновичъ, это, послушайте же, у насъ не сойдется. Я провинціальныхъ, изданій боюсь. У нихъ мало средствъ, а дешево брать мнѣ нѣтъ никакого расчета. Выйдетъ такъ, что купятъ у меня рассказъ, много два. Воспользуются ими, какъ подписною приманкою. А затѣмъ—пойдутъ жарить свою мѣстную обывательскую отсебятину, а публика будетъ ругаться, что ее надули, и меня лаять, что я далъ имя для надуванія. А выдержать мое постоянное сотрудничество въ серьезъ провинціальная газета не можетъ: я буду ей дорогъ. Да и на чорта ли я тамъ? Въ провинціи есть своя жизнь, пусть она и откликается въ газетѣ.

— Да это все такъ, Антонъ Павловичъ, только вотъ— у меня есть прямое порученіе: привлечь къ дѣлу васъ и тѣ молодыя столичныя силы, которыя вы укажете.

Чеховъ оживился.

— Вотъ, если провинція дастъ возможность свободно работать молодымъ столичнымъ силамъ, это будетъ очень хорошо. Потому что въ Москвѣ—тѣснота, печататься негдѣ. Въ Петербургѣ—своихъ сколько угодно. Провинція—превосходный исходъ для талантливыхъ людей, которые здѣсь не успѣваютъ попасть въ очередь вниманія. До сихъ поръ тамъ платили омерзительно, такъ что не стоило работать. Если будутъ сносно платить,—ну, чтобы выходилъ хоть пятакъ кругомъ за строку*),—разумѣется, это—прямо-таки, послушайте же, широчайшее поле для молодежи нашей... А вы кого еще думали пригласить?

— Да, въ первую голову, вашего же ученика—А. С. Лазарева (А. Грузинскаго).

— Да, онъ очень способный парень. Только, слушайте же, Ежовъ, для газеты, гораздо его пригоднѣе... Болѣе горячъ и отзывчивъ...

И Чеховъ съ полчаса изъяснялъ мнѣ литературныя до-

*) Мы то на мѣстѣ работали по 2 и по 3 копейки.

стоинства г. Ежова и возможности, въ которыя его дарованіе способно развиться.

Кромѣ гг. Лазарева и Ежова, Чеховъ назвалъ мнѣ еще цѣлый рядъ именъ, изъ которыхъ теперь инья давно уже исчезли изъ литературы, а многія весьма съ тѣхъ поръ процвѣли. Къ сожалѣнію, проектамъ этимъ не суждено было осуществиться, такъ какъ едва ли не въ тотъ же день и, во всякомъ случаѣ не на той же недѣлѣ я получилъ отъ М. А. Успенскаго и И. Л. Бахтадзе письма, извѣщавшія, что Н. Я. Николадзе, тѣснимый долгами, продалъ «Новое Обозрѣніе» братьямъ Тумановымъ, и старая редакція распадается.

Было это послѣ «Степи», «Скучной Исторіи», «Сахалина».

Отсюда можно судить о справедливости утвержденія г. Ежова, будто

«удача вскружила ему голову. Онъ сталъ суховатъ съ прежними благопріятелями, сталъ глядѣть свысока на знакомства. Прежніе товарищи по небольшимъ изданіямъ казались ему мелюзгою».

Это глубокая и нехорошая, да и неумная неправда. Именно ужъ—если что изумляло въ Чеховѣ, такъ это его твердая вѣрность старому, отъ студенчества пошедшему, товариществу, дружбамъ и симпатіямъ, заключеннымъ въ началѣ литературной карьеры. Я отнюдь не могу и не смѣю претендовать на имя «друга Чехова», коихъ теперь расплодилось неистовое количество, и въ душѣ у него, конечно, не ночевывалъ, но мы знали другъ друга слишкомъ 20 лѣтъ, всегда были въ хорошихъ, ровныхъ отношеніяхъ, и у меня много чеховскихъ писемъ. И, къ какому бы періоду они ни относились, ни одно изъ нихъ не проходитъ безъ теплыхъ воспоминаній о «прежнихъ товарищахъ по небольшимъ изданіямъ», гдѣ мы когда-то вмѣстѣ начинали литературную карьеру, безъ просьбъ передать поклонны тѣмъ, съ кѣмъ могу встрѣтиться я, безъ передать поклоновъ отъ тѣхъ, съ кѣмъ продолжаетъ встрѣчаться онъ. Вообще, изъ «прежнихъ» товарищей Чехова по небольшимъ изданіямъ еще живо и,

слава Богу, сохраняеть твердый разсудокъ и трезвую память такое множество пишущей братіи, поддерживавшей съ Чеховымъ чудеснѣйшія отношенія до конца дней его, что прямо непостижимо, какъ у г. Ежова поднялась рука взвести на покойника вышевыписанную небылицу. Сергѣенко, Гиляровскій, Дорошевичъ, я, Тихоновъ, Билибинъ, Щегловъ, Хлоповъ и множество другихъ сверстниковъ Чехова по первымъ начинаніямъ, совершенно не участвовавшихъ въ дальнѣйшихъ фазисахъ его карьеры, не имѣли никакого основанія жаловаться на невниманіе, забвеніе или нелюбезность Антона Павловича въ дни самой шумной славы его. Напротивъ: онъ былъ памятливъ даже на случайныя имена и встрѣчи своей молодости. Я выше помянулъ Е. В. Пассека. Работалъ онъ въ журналистикѣ, какъ диллетантъ, короткое время, видѣлся съ Чеховымъ не больше трехъ-четырехъ разъ, не было не только близости, но просто—никакихъ отношеній. Такъ—сыграли люди нѣсколько разъ на бильярда, о чемъ потомъ съ пріятностью и вспоминали. Но еще въ 1904 году, незадолго до смерти, Антонъ Павловичъ вспоминаетъ это короткое знакомство—лѣтъ 15 слишкомъ спустя—и спрашиваетъ меня въ письмѣ изъ Ялты въ Царское Село:

— А что Пассекъ? Гдѣ онъ и какъ? Если увидите или будете писать, кланяйтесь очень.

Эпизодъ о Билибинѣ, рассказанный г. Ежовымъ, истолкованъ мемуаристомъ, задавшимъ цѣлью «во всемъ дурное видѣть», въ злобномъ смыслѣ, котораго не только «другъ» Чехова, но и человѣкъ, хоть сколько-нибудь его знавшій, никогда бы этому отзыву не придалъ.

Г. Ежовъ пишетъ:

«Его (Чехова) другъ, покойный В. В. Билибинъ, рассказывалъ:

— Встрѣтилъ я Чехова. Неузнаваемъ. Сказалъ мнѣ: вы бы выслали мнѣ свои водевили, я поѣду скоро къ Черному морю, буду ихъ читать; прочту Юдинъ—и за бортъ, прочту другой—туда же...

Это очень оскорбило Билибина, но, какъ человѣкъ воспитанный и вѣжливый, онъ и виду не показалъ, что обиженъ старымъ пріятелемъ по «Осколкамъ».

По моему, тутъ есть только одна несомнѣнная правда: что В. В. Билибинъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ, необычайно воспитанный и вѣжливый. Но, кроме того, онъ былъ человѣкъ съ большимъ самолюбіемъ и не вздорнымъ, не крикливымъ, а настоящимъ джентльменскимъ. Такъ что, если бы Чеховъ сказалъ ему выпендривенныя насмѣшливыя фразы съ цѣлью оскорбить, то, полагаю, г. Ежовъ жалобы отъ В. В. Билибина на то не услышалъ бы. Но г. Ежову, просто, угодно истолковывать въ скверномъ для Чехова смыслѣ обыкновеннѣйшій товарищескій разговоръ въ томъ условно-ироническомъ тонѣ, который былъ общимъ въ молодыхъ литературныхъ компаніяхъ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, и оттолосковъ котораго каждый изъ насъ можетъ найти и въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ, и въ сохранившихся его письмахъ — сколько угодно. Но никому изъ насъ и въ голову не приходило ни воображать, будто Чеховъ насъ тѣмъ обижаетъ, ни считать за то Чехова злодѣемъ своимъ. Какъ аукалось, такъ и откликалось. Чеховъ подсмѣивался и дразнился, и надъ Чеховымъ подсмѣивались и дразнились *). Да и самъ онъ былъ мастеръ трунить надъ собою и произведеніями своими и доходилъ въ этомъ самоосмѣяніи иногда до того, что поклонниковъ и, въ особенности, поклонницъ его весьма коробило, а иныхъ и почти до слезъ раздражало. Въ то время еще не было эпидеміи литературной маніи величія, и человѣкъ, написавъ дюжину рассказовъ или десятка два стихотвореній, не спѣшилъ воображать себя великимъ творцомъ, если не самымъ богомъ, а писаніе свое — божественнымъ таинствомъ. Мнѣнія начинающихъ литераторовъ о себѣ были не возвышенныя, а скорѣе приниженныя — даже ужъ и че-

*) См. напр. во 2-мъ изданіи моего сборника «Курганы». (Спб. Общ. Польза 1909).

реачуръ. Любопытны судьбы первыхъ сборниковъ многихъ писателей, начинавшихъ въ то время. Чеховъ уничтожилъ «Сказки Мельпомены», Дорошевичъ—«Палильотки». Я, издавъ (къ слову сказать, любезно завѣдывалъ этимъ изданіемъ именно В. В. Билибинъ) «Случайные рассказы», такъ струсилъ критики, что не рѣшился пустить изданіе въ продажу и потомъ лѣтъ десять выплачивалъ долгъ типографіи. При такомъ авто-скептицизмѣ, такъ сказать,—богемный тонъ взаимной добродушной насмѣшливости, естественно, становился господствующимъ, и никто никогда не думалъ имъ обижаться, ни принимать его въ серьезъ, кромѣ двухъ-трехъ «дутиковъ», носившихъ себя отъ младости, яко сосуды съ драгоценною влагою, которую, ахъ, не расплескать бы! Но причислять В. В. Билибина къ подобнымъ «дутикамъ» нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Г. Ежовъ ставить Чехову въ упрекъ даже юмористическія надписи на книгахъ, даримыхъ роднымъ и пріятелямъ. Да кто же ихъ не дѣлалъ? Это былъ шуточный тонъ эпохи, притворявшейся, что ей очень весело. Думаю, что въ библіотекѣ моей наберется автографовъ съ 50, относящихся къ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, но мрачной жреческой серьезности не найти и въ десяти изъ нихъ,—худо ли, хорошо ли, всѣ острили, «игра ума» была въ модѣ.

Да, если даже и серьезно Чеховъ сказалъ Билибину рѣзкое слово свое, то онъ былъ и правъ, и въ правѣ сказать. В. В. Билибинъ былъ человѣкъ талантливый, съ живою искрою мягкаго юмора, рѣдко изящнаго, съ джентльменскою способностью говорить неожиданно смѣшное, сохраняя строгое спокойствіе на лицѣ и въ тонѣ. Никто не писалъ такъ называемыхъ «мелочей» забавнѣе и благороднѣе, чѣмъ И. Грѣвъ въ «Осколкахъ». Ждали отъ него, что выйдетъ хорошій, большой юмористъ, въ стилѣ хотя бы Бернадта, который, будучи переведенъ въ 80-хъ годахъ, имѣлъ въ Россіи короткій, но большой успѣхъ. Но Билибина потянуло къ авторству для сцены—и на самую убійственную для та-

ланта отрасль ея: въ водевилъ. Напекъ онъ водевилей безчисленное количество, и большинство ихъ имѣло успѣхъ у публики, но въ литературѣ не остался ни одинъ. И, конечно, для товарищей, уважавшихъ талантъ В. В. Билибина, совсѣмъ нерадостное зрѣлище было—наблюдать, какъ даровитый человѣкъ насилуетъ и растрчиваетъ юморъ свой, безконечно изобрѣтая «щекочущія подъ мышками» положенія въ угоду райку Александринскаго театра. Человѣкъ созданъ былъ для тонкой интеллигентной ироніи, а работалъ на грубый, нутряной смѣхъ Иванушки-Дурачка. Чего же, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ какой-нибудь «Цитварный Ребенокъ», какъ не быть брошеннымъ за бортъ по прочтеніи? Водевильныхъ начинаній своихъ Билибинъ самъ конфузился. Помню о томъ большой разговоръ съ нимъ въ Тифлисѣ лѣтомъ 1890 года. Нѣсколько водевилей онъ прислалъ мнѣ съ надписями, свидѣтельствовавшими, что авторъ вовсе ужъ не такъ счастливъ и гордъ путемъ, на который онъ вступилъ матеріальныхъ выгодъ ради. Такъ что въ фразѣхъ Чехова, которыя г. Ежовъ пытается изобразить какимъ-то надменнымъ генеральскимъ злопыхательствомъ, не звучало рѣшительно ничего, кромѣ дружескаго, товарищескаго предупрежденія: бросить бы ты, милый человѣкъ, заниматься глупостями,—ничего хорошаго изъ того не будетъ. И, дѣйствительно, ничего хорошаго не вышло. В. В. Билибинъ, сосредоточась на грубой фарсовой работѣ, размѣнялъ свой тонкій юморъ—и потерялъ талантъ фельетониста. Стариннаго И. Грѣка изъ «Осколковъ» нельзя было узнать въ вяломъ и нудномъ Діогенѣ изъ «Новостей». А чтобы Чеховъ относился къ Билибину дурно, очень сомнѣваюсь. Приходилось говорить о немъ не разъ (Билибинъ былъ секретаремъ редакціи въ «Осколкахъ», гдѣ работали и Чеховъ, и Лазаревъ, и Ежовъ, и я),—и никогда я не слыхалъ отъ Чехова по адресу В. В. ни единого слова, которое не свидѣтельствовало бы о самыхъ дружескихъ чувствахъ, о самой прочной и сознательной симпатіи.

Манерою острыхъ критическихъ замѣчаній, которыя г. Ежовъ вмѣняетъ Чехову въ преступленіе, Антонъ Павловичъ не стѣснялся въ отношеніи не одного В. В. Билибина, но рѣшительно всѣхъ литературныхъ сверстниковъ своихъ. Прочитайте его опубликованныя г. Бочкаревымъ письма къ Щеглову, Тихонову, Сергѣенкѣ. Но опять-таки намъ и въ мысли не приходило искать въ замѣчаніяхъ Чехова злыхъ чувствъ, которыя воображаются дурно направленною фантазіею г. Ежова. А напротивъ: такъ какъ замѣчанія эти почти всегда были вѣрны и мѣткі, то приносили много пользы, и оставалось только благодарить за нихъ Антона Павловича, а не злобствовать и дуться. Я рассказывалъ уже рѣднажды, какъ Чеховъ, буквально, одною смѣшливою фразою отвалилъ меня навсегда отъ производства фантастическихъ рассказовъ, въ которыхъ я, одно время, смолоду, «набилъ было руку»...

— Послушайте же: это—опера... Апоеозъ съ бенгальскими огнями... *).

Ну, и стало стыдно и бросилъ красивое притворство, и началъ посылать искать настоящей реальной правды. И никогда не перестану благодарить память Чехова за этотъ товарищескій ударъ хирургическимъ ножомъ по больному мѣсту. По теоріи г. Ежова, я долженъ былъ бы—очевидно—обидѣться на Антона Павловича: какъ онъ смѣетъ находить не все великимъ и прекраснымъ въ моемъ очаровательномъ существѣ и возненавидѣть его, какъ лютаго своего врага и злодѣя!

Г. Ежовъ пишетъ:

— Критиковать его (Чехова) произведенія запросто, по пріятельски, было уже страшно.

Опять-таки, по собственному опыту, могу сказать, что это глубочайшая неправда. Мнѣ случалось не одинъ разъ писать о Чеховѣ далеко не въ хвалебныхъ тонахъ, а смѣю

*) См. въ моемъ сборникѣ «Современники» (1909. Изд. Д. П. Ефимова въ Москвѣ).

завѣрить, что каждая строка, мною написанная и его касавшаяся, Чехова достигала,—и, тѣмъ не менѣе, критическій отзывъ о произведеніи никогда не отзывался какимъ-либо бурнымъ отголоскомъ въ личныхъ отношеніяхъ. Больше того скажу: на моей душѣ лежитъ прямо-таки грѣхъ противъ Чехова. Когда вышла въ свѣтъ его «Дуэль»,—не помню, подъ какимъ сквернымъ впечатлѣніемъ я прочиталъ ее, но она мнѣ ужасно не понравилась, показалась циническою, безпринципною и т. д. Словомъ, я просто ея не понялъ. И вотъ—сгоряча—напечаталъ въ бакинской газетѣ «Каспій» рецензію, въ которой «Дуэль» разнесена была вдребезги... Среди упрековъ, незаслуженныхъ, созданныхъ придиричивою страстностью, было, пожалуй, кое что и справедливое. Но, какъ бы то ни было, съ авторомъ, который игралъ бы генерала отъ литературы, было за что поссориться—и, пожалуй, навсегда. Баку отъ Москвы далеко, но «друзья» у литераторовъ, чтобы доставить злую рецензію, всюду имѣются, хоть выйди она на Сандвичевыхъ островахъ. И вотъ—буквальныя слова А. П. Чехова, когда онъ читалъ мою «каспійскую» брань:

— Послушайте же, это онъ на что-то другое сердить былъ... не въ духѣ писалъ...

И встрѣтились мы затѣмъ съ нимъ безъ слѣда какого бы то ни было неудовольствія.

Я считаю «Вишневый Садъ» геніальною комедіей, стоящею на одномъ уровнѣ съ «Недорослемъ», «Горемъ отъ ума», «Ревизоромъ», «На днѣ». Но статьи мои о появленіи «Вишневаго Сада» на петербургской сценѣ въ 1904 году, при всемъ своемъ восторженномъ тонѣ, далеко не выражали полного согласія съ авторомъ *). Я дѣлалъ цѣлый рядъ указаній, за которыя авторъ, генеральствующій по ежовской теоріи, долженъ былъ бы взѣваться на меня, аки лютый скимень... Отъ Чехова же изъ Ялты я не замедлилъ получить благодар-

*) См. во 2-мъ изданіи «Кургановъ».

ственное письмо, полное такой трогательной теплоты, что и сейчас я не могу вспомнить о немъ безъ волненія.

О скудости Чехова... Не знаю. Частная жизнь Антона Павловича неизвѣстна мнѣ настолько близко, чтобы я могъ судить объ его сребролюбіи или безкорыстіи. Въ присутствіи Чехова какъ-то никогда и мысли - то такія не набѣгали. Но вотъ что я знаю очень хорошо: когда въ 1902 году Сипягинъ сослалъ меня въ Минусинскъ, то первое письмо послѣ жениныхъ, которое я получилъ тамъ было отъ Антона Павловича Чехова, съ запросомъ, какъ мои дѣла, не нужно ли мнѣ чего, не прислать ли мнѣ денегъ. А мы передъ тѣмъ года четыре не видались лично и года два не было случая переписываться... Такъ-то Антонъ Павловичъ забывалъ старыхъ товарищей! Я не воспользовался его предложеніями, но письмо его храню, какъ святыню.

Эпизоды объ «Ариаднѣ» и «Попрыгуньѣ», какъ освѣщаетъ ихъ г. Ежовъ, мнѣ совершенно неизвѣстны. Думаю, однако, что, если бы было что-нибудь громкое, общественное, то мнѣ, жившему въ центрѣ московской литературной жизни, было бы хоть съ краешка, хотя что-нибудь слышно. Доходили же до слуха гораздо менѣе важныя сплетни о разныхъ чеховскихъ выходкахъ-экспромптахъ и язвительныхъ столкновеніяхъ съ «знаменитостями», особенно изъ театральнхъ звѣздъ... Такъ что въ исторіи «Ариадны» и «Попрыгуньи» г. Ежовъ вытаскиваетъ на сцену какой-то домашній секретъ, о существѣ котораго, если даже онъ и имѣлъ мѣсто, мы лишены возможности судить, за смертію всѣхъ его участниковъ: самого Антона Павловича, Левитана и дамы-художницы.

Не нахожу не только нужнымъ, но даже и возможнымъ опровергать слѣдующія строки г. Ежова:

«Онъ (Чеховъ) постепенно отодвинулъ отъ себя всѣ авторитеты, сталъ въ роль строгаго критика даже къ большимъ писателямъ.

— Прочиталъ я немного «Фрегатъ Палладу»,—гово-

рилъ онъ одному знакомому:—скучная штука... я бросилъ, не дочитавъ и первой части.

Другому знакомому, на замѣчаніе, что онъ оспариваетъ взглядъ Толстого, Чеховъ не безъ надменности возразилъ:

— Что мнѣ вашъ Толстой?!»

Надо знать, какой взглядъ Толстого вызвалъ такую отвѣдь Чехова. Антонъ Павловичъ, какъ всѣ мы, уважалъ въ Толстомъ художника, но въ немъ, истинномъ позитивистѣ, литературномъ наслѣдникѣ Базарова, блистательнѣйшемъ представителѣ и учителѣ матеріалистическаго анализа, не было даже слѣда способности къ идолопоклонству и покорству предъ авторитетомъ. Толстой, какъ философъ и религіозный учитель, конечно, не значилъ для него, врача, естествоиспытателя, логика по Миллю и Бэну, ровно ничего. И—если на этой почвѣ какой-нибудь благоговѣйный фанатикъ Ясной Поляны преподнесъ Чехову, въ спорѣ, вмѣсто аргумента, непреложное *verbum magistri, ipse dixit*, то рѣшительно нѣтъ ничего ни къ удивленію, ни къ порицанію въ томъ, что Антонъ Павловичъ отвѣтилъ на возраженіе, какъ оно того заслуживало:

— А что мнѣ вашъ Толстой?

Уважать геній въ человѣкѣ—одно. Признавать его законодателемъ и папою непогрѣшимымъ—другое. Къ первому въ Чеховѣ была способность необычайно широкая: за всякій не только геній или большой талантъ, но хотя бы за маленькую даровитость онъ хватался со страстною цѣпкостью, съ благоговѣйною служебностью. Какихъ-какихъ многообѣщающихъ и подающихъ надежды не присылалъ онъ ко мнѣ со своими рекомендательными письмами! Но «любленіе твари паче Бога» и безапелляціонное признаніе авторитетовъ было ему дико, и—не былъ бы Чеховъ великимъ «атомистомъ», если бы можно было зажать ему въ спорѣ ротъ суевѣрнымъ воплемъ ужаса:

— Толстой сказалъ! Вы возстаете на Толстого!

Да, правду-то сказать, для нашей восьмидесятной мо-

людости Толстой, какъ этикъ, далеко не такъ много и значилъ, какъ для слѣдующаго поколѣнія 90-хъ годовъ... Но объ этомъ я уже не разъ говорилъ—и именно по поводу Чехова *).

То же самое приходится сказать и о «Фрегатѣ Палладѣ»... Что же? Развѣ Чеховъ неправду сказалъ? Конечно, уже скучно, потому что старо, да еще и написано человѣкомъ, который очень мало интересовался тѣмъ, что видѣлъ. Добролюбову гораздо раньше Чехова была несимпатична книга Гончарова безстрастіемъ своимъ, въ которомъ отразились только тѣ впечатлѣнія, что насильно и даже не безъ противодѣйствія авторскаго ворвались въ лѣнливую душу литературнаго Обломова. Не говорю уже о томъ, что въ вѣкъ паровыхъ судовъ парусныя приключенія, вообще, сохраняютъ лишь архаическій интересъ. Стало быть, что же остается читателю въ концѣ XIX вѣка отъ «Фрегата Паллады», писанной въ пятидесятыхъ годахъ? Картины природы и экзотической жизни? Да Чеховъ самъ совершилъ такое же плаваніе, какъ Гончаровъ, и видѣлъ, что эти картины уже никуда не годятся. Въ прогрессѣ 50 лѣтъ шаръ земной измѣнился, и нынѣшній Сингапуръ — не классическій Сингапуръ Гончарова, а, сунувшись воевать съ гончаровскою Японіей, мы были на голову разбиты Японіей настоящею, которая Гончарову и во снѣ не снилась. Превосходный слогъ и образность? Ихъ Чеховъ, конечно, и не отрицалъ, но.... хорошаго слога и нѣсколькихъ поэтическихъ рисунковъ маловато, чтобы спасти устарѣлое сочиненіе отъ общей скуки.

О продажѣ Чеховымъ сочиненій своихъ за 75.000 рублей Марксу я много писалъ непосредственно послѣ смерти Антона Павловича, заступаясь за А. Ф. Маркса, нынѣ также уже покойнаго**). Марксъ купилъ чеховскія сочиненія за 75.000 рублей, а за 75.000+п. листовъ×250 рублей, кото-

*) См. въ моихъ «Современникахъ».

**) См. мои «Курганы», 2-е изд.

рые автору будетъ впредь угодно опубликовать, включая сюда и юношескія произведенія, +200 рублей общей надбавки за листъ каждыя пять лѣтъ, начиная съ 1899 г. На всѣ 50 лѣтъ собственности это даетъ 2050 рублей за листъ. Цифра, дѣйствительно, не малая, и г. Ежовъ правъ, когда выражаетъ недоумѣніе, почему въ прессѣ были подняты шумъ изумленія и даже негодованія, что молъ несчастный Чеховъ продешевилъ свои сочиненія, а разбойникъ Марксъ взялъ ихъ чуть не даромъ.

Но г. Ежовъ забываетъ отмѣтить, кто, главнымъ образомъ, поднималъ этотъ шумъ, имѣвшій цѣлью не столько защитить Чехова, сколько уязвить Маркса, что и удалось въ полной мѣрѣ. Незаслуженныя непріятности по скандалу, поднятому вокругъ чеховскаго контракта, тяжело отозвались на здоровьи стараго издателя и должны быть причислены къ причинамъ, быстро сведшимъ его въ могилу: Марксъ не пережилъ Чехова и годомъ. Г. Ежовъ странно возмущается попреками, будто Чеховъ продешевилъ свои сочиненія, на страницахъ «Историческаго Вѣстника»—органа того самаго издательства, изъ котораго, главнымъ образомъ, и исходили эти попреки. Въ Петербургѣ вопило юбугнетеніи Чехова «Новое Время», а въ Москвѣ—«Русское Слово». То есть вопили двѣ богатѣйшія русскія издательскія фирмы, которыя, однако, несмотря на личныя дружескія отношенія главъ своихъ съ Антономъ Павловичемъ, сами до марксовыхъ 75.000 руб. шагнутъ поспешили и не посмѣли, а, упустивъ курицу, несущую золотыя яйца, въ чужія, болѣе щедрыя руки, взвыли благимъ матомъ и, въ горести собственнаго промаха, проклинали и позорили Марксову удачу.

Изъ маленькой замѣтки въ «Рѣчи» вижу, что г. Ежовъ понаписалъ довольно гадостей и помимо тѣхъ, что отразила перепечатка «Од. Нов.», но, такъ какъ онѣ тамъ—въ пересказѣ, а не въ точномъ воспроизведеніи, то оставляю ихъ безъ вниманія...

Г. Ежовъ сѣлъ въ очень нехорошую лужу и отъ купанія въ ней врядъ ли скоро и легко отчистится. Такія имена, какъ А. П. Чеховъ, общество не уступаетъ клеветамъ безъ боя, а «Божій судъ» караетъ неправо мечъ свой подъемяющаго. Что меня удивляетъ, это—зачѣмъ и какъ г. Ежова допустили срамить себя завѣдомыми неправдами. Помня, какъ искренно и нѣжно любилъ А. С. Суворинъ Анто́на Павловича, съ какою благоговѣйною страстностью относился онъ къ жизни и дѣятельности Чехова, какъ онъ былъ влюбленъ въ этотъ умъ, талантъ и характеръ, какъ онъ хорошо и трогательно гордился ролью, которую было суждено ему сыграть въ чеховскомъ развитіи,—я рѣшительно отказываюсь понимать, какими судьбами столь глупо шипящій пасквиль на Чехова могъ появиться на страницахъ журнала, издательски подписываемаго А. С. Суворинымъ. Развѣ — одно: выдалъ старый журналистъ разъ навсегда бланкъ свой вродѣ *lettre de cachet*, а—что по бланку этому дѣлается, кого и какъ въ литературную Бастилію сажаютъ, уже махнулъ рукою, слѣдить некогда...

Cavi di Lavagna.
1909. VIII. 27.

IV.

Я прочиталъ въ «Новой Руси» слѣдующія строки:

«Г. Ежовъ, вылившій ушатъ грязи на Чехова, сегодня возражаетъ Амфитеатрову, сообщившему, будто бы покойный Чеховъ «доставилъ г. Ежову мѣсто» московскаго фельетониста въ «Нов. Времени».

«Это,—пишетъ онъ,—чистѣйшая ложь, неизвѣстно зачѣмъ понадобившаяся г. Амфитеатрову. Г. Ежову, дѣйствительно «доставилъ мѣсто» фельетониста въ «Новомъ Времени» одинъ человѣкъ, и зовутъ его—Н. М. Ежовъ».

«Н. М. Ежовъ»—это звучить гордо и пусть себѣ звучить.

Въ теченіе моей литературной дѣятельности, которой идетъ уже третій десятокъ лѣтъ, мнѣ случалось неоднократно впадать въ ошибки, которыя вызывали опроверженія со стороны заинтересованныхъ лицъ. Если опроверженія бывали основательны, я охотно признавалъ свою ошибку, какъ бы щекотлива ни была она, и приносилъ повинную. Но никто, никогда ни по какому случаю не могъ и не можетъ мнѣ бросить упрека въ томъ, чтобы я впалъ въ ошибку недобросовѣстно и по злему умыслу, то есть, печатно солгалъ, какъ изволить выражаться г. Ежовъ.

Дѣйствительно, неизвѣстно—зачѣмъ бы мнѣ понадобилось оболгать г. Ежова. Я «Новаго Времени» вотъ уже четыре года не видалъ, съ послѣдней своей побывки въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1905 года, а г. Ежова не читывалъ лѣтъ десять-двѣнадцать навѣрное. Такъ что, откровенно сказать, онъ для меня—воспоминаніе въ полномъ смыслѣ слова лѣтописное. Въ старину никакихъ непріятностей съ г. Ежовымъ у меня никогда не было, напротивъ—относился я къ нему хорошо, и онъ ко мнѣ всегда былъ любезенъ. Еще недавно мнѣ пришлось отмѣтить его имя и симпатію къ нему А. П. Чехова въ статьяхъ «Романъ Чехова» («Кіевская Мысль») и «Скоропѣлая безтактность» («Одесскія Нѣвості»). Если бы мнѣ не попались на глаза выдержки изъ отвратительной статьи г. Ежова (въ цѣломъ видѣ я такъ-таки ея не читалъ); я не зналъ бы даже, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, пишетъ ли и гдѣ пишетъ. Признаюсь: я съ трудомъ повѣрилъ, что это—тотъ Ежовъ. Не хотѣлось вѣрить.

Воспоминанія мои о 1896 годѣ совершенно опредѣленны и ясны. Да это даже не воспоминанія, а—вчерашній день. Закрой глаза,—и лица видишь, голоса слышишь. Изъ разсказа моего—очень осторожнаго, потому что память подсказываетъ мнѣ гораздо больше подробностей,—о желаніи и стараніи Чехова устроить г. Ежова, не могу взять обратно ни единой черты. Это—фактъ, хотя г. Ежовъ и звучить гордо.

Оплевавшій клеветами больного,—потому что иначе пришлось бы сказать: злого,—воображенія могилу покойнаго учителя и друга (употребляю это слово потому, что, сколько ни встрѣчалъ я А. П. Чехова, онъ всегда говорилъ о г. Ежовѣ съ пріязнью и доброжелательствомъ истинной дружбы), г. Ежовъ доказалъ уже, что понятіе литературной чести въ немъ слабо. Отрицая фактъ, его выдумки, опровергающій, онъ лишь ставитъ точку на этомъ плачевномъ для него і.

Засимъ—предоставляю г. Ежова его совѣсти и говорить о немъ больше не намѣренъ.

Два слова «Новой Руси», нашедшей нужнымъ снабдить слова г. Ежова слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Курьезная защита, какъ и странное обвиненіе. Вотъ и Чехову ставили въ вину, что онъ недостаточно благодаренъ «Новому Времени», которое его вывело въ публику. Такіе мотивы и мотивировки могли бы оставаться за предѣлами литературы, гдѣ имъ и мѣсто».

«Вѣрно, а, можетъ быть, и... невѣрно!» Дѣло совсѣмъ не въ томъ, кто кому за что благодаренъ и благодаренъ ли. Разсказъ мой былъ вызванъ обвиненіями Чехова въ сухости и генеральскомъ, недоброжелательномъ отношеніи къ товарищамъ его литературной молодости. Полагаю, что лучшаго и нагляднѣйшаго опроверженія этой небылицы, чѣмъ въ стараніи А. П. Чехова доставить самому автору обвиненій столь обезпеченную и громкую трибуну, какую представляло собою въ 1896 году «Новое Время», искать нечего. Тогда трибуны-то газетныя были наперечетъ. Мы скоро забываемъ исторію. Правду-то говоря, вѣдь только двѣ газеты и были «настоящія», то есть, и съ вліяніемъ, и съ публикою: «Русскія Вѣдомости» въ Москвѣ и «Новое Время» въ Петербургѣ. Остальнымъ всѣмъ чего-нибудь изъ двухъ не хватало: либо вліянія, либо публики. И не знаю, почему должна оставаться за предѣлами литературы защита великаго писателя, который давалъ друзьямъ своимъ хлѣбъ, противъ злой клеветы, будто онъ давалъ имъ камень.

Мнѣ могутъ возразить на это:

— Да что же за благодать была хотя бы для г. Ежова попасть въ «Новое Время»? Г. Ежовъ въ старину какъ будто числился въ либеральномъ лагерѣ. А. П. Чеховъ, значить, его не устроилъ, а скорѣе перевелъ на совсѣмъ неудобные рельсы.

Отвѣчу:

— Тутъ нужна историческая перспектива. 1896-й годъ нельзя судить по точкамъ зрѣнія 1909-го. Вспомните только, что сказанное о тогдашней рѣдкости газетныхъ трибунъ, а тѣмъ болѣе съ широкой аудиторіей. Могу еще прибавить къ тому, что московскій фельетонъ «Новаго Времени» былъ своего рода удѣльнымъ княжествомъ, почти независимымъ отъ метрополіи. Я, напримѣръ, не помню ни одного серьезнаго редакціоннаго вмѣшательства въ мою фельетонную работу съ 1892 по 96 годъ. А были очень острые моменты: полемика о воспитательномъ домѣ, разоблаченіе злоупотребленій по постройкѣ памятника Александру II-му, бурныя сраженія съ «Московскими Вѣдомостями». До меня московскимъ фельетонистомъ «Новаго Времени»—что то лѣтъ пятнадцать—былъ А. Д. Куренинъ, человекъ весьма либеральный, почитавшій себя «краснымъ», съ портретомъ Герцена надъ письменнымъ столомъ, сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» и тоже отлично уживался. Такъ что московскій фельетонистъ «Новаго Времени», въ девяностыхъ годахъ, былъ сила, хорошо оплаченная, широко вліятельная и фактически свободная. Слѣдовательно, отдавая ее въ руки, которыя онъ считалъ талантливыми и честными, Антонъ Павловичъ дѣйствовалъ *bona fide* и въ отношеніи своего друга, и въ отношеніи публики.

Я могъ бы еще прибавить, что «Новое Время» девяностыхъ годовъ, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ, все-таки было далеко не тѣмъ, что представляетъ собою «Новое Время» истекающаго десятилѣтія. Но объяснять это «Новой Руси» значило бы ломиться въ открытыя двери. Кому же луч-

ше знать и помнить свою старую программу, какъ не вдохновителю «Новой Руси» Александру Алексѣвичу Суворину, который въ девяностыхъ годахъ былъ фактическимъ редакторомъ «Новаго Времени», и сотрудникомъ, ушедшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1903 году изъ Эртелева переулка въ Косинскій, чтобы основать «Русь»?

Еще.

«Недостаточно благодаренъ «Новому Времени», которое его вывело въ публику».

Мнѣ кажется, что пора уже разобраться въ этой подробности чеховской біографіи. Потому что, какъ бы ни думала «Новая Русь» о благодарности, но качество это не изъ похвальныхъ, безотносительно къ адресу, по которому оно проявляется. Если бы Чеховъ имѣлъ за что благодарить «Новое Время», и, все-таки, остался бы не благодарнымъ, это ему чести не дѣлало бы. Но вѣдь этого нѣтъ, это мифъ... Тому, кто вывелъ Чехова изъ юмористическихъ журналовъ въ большую публику, Чеховъ и былъ, и остался до могилы глубоко благодаренъ. Въ своей привязанности и дружбѣ къ тому человѣку Антонъ Павловичъ выказалъ даже большое гражданское мужество, т. е. новые друзья въ передовомъ лагерѣ извиняли эти старыя добрыя отношенія только скрѣпя сердце, а многіе, и весьма, на Чехова за нихъ дулись. Этотъ человѣкъ—А. С. Суворинъ, но—единолично старикъ Суворинъ. Что касается газеты «Новое Время», какъ «корпорациі»,—ей А. П. Чеховъ ни на кончикъ ногтя ничѣмъ не обязанъ! Напротивъ,—достаточно бывало, чтобы А. С. Суворинъ «прозѣвалъ», и «любимцу» его съ легкимъ сердцемъ преподносилась какая-нибудь милая редакціонная штучка, вродѣ пресловутаго:

Беллетристику-то,—эхъ, увы!—

Пишутъ Гаршины да Чеховы,

Баранцевичи, да Альбовы....

Почитаешь,—станетъ жаль Бовы!

Къ стати, чтобы не забыть,—въ чеховскій альбомъ или архивъ, въ Tchekhoviana.

Сейчасъ пользуется большимъ успѣхомъ книга Анатоля Франса: «Les sept femmes de la Barbe-Bleue et autres contes merveilleux». Я видѣлъ уже два русскихъ перевода перваго, заглавнаго разсказа: «Семь женъ Синей Бороды по подлиннымъ документамъ».

Не люблю я Анатоля Франса, сколь не блистателенъ его «стиль». Великій мастеръ пустяковъ и грандіозный ракъ на безрыбіи. Холодный, какъ ледь, режиссеръ остроумно надуманныхъ комбинацій, въ которыхъ всегда очень много кабинетной мысли и очень мало живого непосредственнаго наблюденія. Несомнѣнно, что Анатоль Франсъ—большой и образованный умъ, но, опять таки, умъ спеціальный: типически галльскій сухой умъ, для котораго, кромѣ себя, нѣтъ ничего своего, и все—чужое, а чужое онъ умѣетъ разсматривать только съ снисходительнаго высока, съ улыбкою убоженнаго превосходства. Конечно, изъ большинства своихъ литературныхъ ровесниковъ Анатоль Франсъ выгодно выдѣляется тѣмъ, что его наблюденія съ высока—снисходительныя и благожелательныя, что во Франціи большая рѣдкость. Нѣтъ литературы, болѣе генеральской, и по отношенію къ читателю, и по отношенію къ предметамъ изображенія, чѣмъ французская. Это отзывается и въ товарищескихъ взаимоотношеніяхъ французскихъ литераторовъ. Нигдѣ въ Европѣ, кажется, *maitr'ы* не держатся болѣе богами, а вертящіеся въ ихъ орбитѣ писателечки болѣе лакеями (льстивыми или грубіянами, но лакеями), чѣмъ въ Парижѣ. Въ Италіи эти обожествляющіе нравы пробуетъ вводить Д'Аннунціо, но—въ концѣ концовъ—онъ въ своей маніи величія одинокъ, и надъ нимъ смѣются. «Съ высока» Анатоля Франса приличнѣе многихъ другихъ, но «съ высока», какое бы то ни было, все-таки остается «съ высока». У Анатоля Франса совершенно отсутствуетъ драгоцѣнный даръ нашихъ русскихъ и англійскихъ литературныхъ ху-

дожниковъ стоять въ уровень съ человѣчествомъ, которое они отражаютъ. Диккенсъ, Теккерей, Джоржъ Эллиотъ, Бретъ Гартъ, Маркъ Твенъ, Уэльсъ, Достоевскій, Тургеневъ, Писемскій, Левъ Толстой (въ художественномъ творествѣ), Салтыковъ, Антонъ Чеховъ, Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Купринъ—все они люди, потому что люди. Французскій корифей—потому, что онъ удостоивается быть человѣкомъ. Исключеній очень мало. На первомъ планѣ, конечно, вспоминаются прекрасныя фигуры Жоржъ Зандъ и Гюи де-Мопассана. Оттого-то они имѣли такой звучный откликъ въ русской литературѣ и столь огромное вліяніе на наше общество. Но никто на французскомъ Олимпѣ литературномъ не очевиднѣе въ этомъ удостоиваніи, чѣмъ Анатоль Франсъ. Это—маленькое олимпійское божество, которое въ уединеніи надумалась быть человѣкомъ и съ снисходительною усмѣшкой примѣряетъ на себя человѣческіе образъ и подобіе. Словно принцъ, играющій въ любительскомъ спектаклѣ рабочаго. Принцъ можетъ быть хорошимъ актеромъ и божество въ человѣческомъ образѣ и подобіи можетъ казаться совершенствомъ двуногой породы, но, все-таки, они—ряженые. И когда я читаю культурнѣйшія и гуманнѣйшія страницы Анатоля Франса, то,—при глубочайшемъ уваженіи къ прекрасно воспринятымъ идеямъ и къ гражданскому мужеству, съ которымъ онъ преподноситъ консервативнѣйшему изъ консервативныхъ французскому буржуазному обществу укорительныя истины, хотя довольно скромныя, но все же непріятныя,—нѣтъ, не зажигаютъ меня электрическіе фонарики его краснорѣчія! Я очень радъ и благодаренъ, что божество, переодѣвшисьъ человѣкомъ, ведетъ въ этомъ костюмѣ линію человѣка порядочнаго, а не «мерзавца своей жизни». Но не могу отдѣлаться отъ мысли, что, въ сущности, божеству все равно, ибо все одинаково чуждо, и весь этотъ наивный спектакль не взаправду, но:

Магадэвъ, земли владыка,

Къ намъ въ шестой нисходитъ разъ,

Чтобъ отъ мала до велика,
Снова_исѣхъ извѣдать насъ,—

и результаты ревизіи записать затѣмъ божественно-изящнымъ, отточеннымъ въ самовлюбленности, стилемъ въ желтую книжку, которую съ благоговѣніемъ выпускать въ свѣтъ Кальманъ и Леви.

Ахъ, этотъ стиль... Я не могу не сознавать, что онъ въ своемъ родѣ, совершенство, что изъ него глядитъ на міръ незримыми очами цѣлая историческая культура, и пр. и пр. Но, покуда читаю страницы, исчерченные глаголомъ боговъ, старая реалистическая закваска, по наслѣдству отъ Базарова, вопіетъ въ душѣ моей:

— О, другъ мой, Анатолій Францовичъ! Не говори столь красиво!

И, подобно тому, какъ у Петронія нѣкто искренне сокрушался, что «по множеству боговъ въ нашей странѣ гораздо легче встрѣтить бога, чѣмъ человѣка», начинаю—кощунственно, можетъ быть,—подумывать:

— А не протянуть ли руку къ книжной полкѣ, да не снять ли съ нея, взамѣнъ «Магадѣва, земли владыки», грубаго, но отъ человѣка сущаго Мирбо?

Литературная надменность исключаетъ юморъ. Французы—очень остроумные комики и иногда злые, хлесткіе сатирики, но рѣдко юмористы. Не юмористъ и Анатоль Франсъ, послѣдній пережитокъ энциклопедическаго *esprit*, о которомъ русскій умъ еще восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ роковое и, можно сказать, погребальное заключеніе:

Старикъ, по старому шутившій—
Отмѣнно ловко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.....

Эта неспособность къ юмору печально сказывается въ пародіи Анатоля Франса на легенду о Синей Бородѣ. Она въпятеро длиннѣе самой сказки и утомительно многословна.

Крутить-крутить, вертить-вертить. Остроумничанье на 55 страницахъ изъ-за выѣденнаго яйца. Водевиль въ 5 дѣйствійхъ съ чисто галльской моралью, что мужчины—пацѣ, а женщины—баци.

Считаютъ нѣкоторые Анатоля Франса философомъ и скептомъ... Къ званію «философа» я питаю священный ужасъ и предъ облеченными имъ умолкаю. Что касается практическаго скептицизма, намъ, русскимъ, врядъ ли кто въ состояніи давать уроки по этой части. Французскимъ скептикамъ приходится еще серьезно встрѣчаться съ такими милыми устоями буржуазной социальности, до нѣкоторыхъ и весьма многочисленныхъ условій религіи и этики включительно, которыхъ у насъ въ мало-мальски образованной и порядочной средѣ давно ужъ и слѣдъ простылъ (по крайней мѣрѣ, принципиально), и они частью уже сданы, частью сдаются, частью готовятся быть сданными въ лакейскую—чернымъ сотнямъ. Выспій же философскій скептицизмъ интересенъ только тогда, когда у скептика есть свой ясный отвѣтъ на вопросъ:

— Во имя чего твое сомнѣніе?

У Анатоля Франса этого отвѣта нѣтъ потому что его отвѣтъ за сто слишкомъ лѣтъ раньше данъ Вольтеромъ, и, въ огромной части, скептическое воззрѣніе Анатоля Франса—тѣхъ же щей, да пожиже влей. Когда же онъ пытается высвободиться отъ наслѣдій XVIII вѣка и стать на собственные ноги, выходитъ бѣдно и незначительно. Въ попыткахъ самостоятельнаго скептицизма Анатоля Франсъ очень напоминаетъ тѣхъ частыхъ въ обществѣ господъ, которые даже—«позвольте мнѣ еще стаканъ чаю»—произносятъ съ загадочною усмѣшкой и за это слывуть умными и насмѣшниками.

На дняхъ я перечитывалъ «Бѣсовъ» Достоевскаго. Известно, что литераторъ Кармазиновъ тамъ—карикатура на Тургенева. Да, на Тургенева-то карикатура, и теперь, когда мы знаемъ тургеневскую біографію по воспоминаніямъ и письмамъ,—карикатура совсѣмъ не мѣткая, въ слѣдой

злѡбѣ мимо ринутая. Но я почти увѣренъ, что, читая «Бѣсовъ» въ переводѣ (тѣмъ болѣе, что русская иронія передается на другіе языки ужасно туго), французъ развѣ лишь смутно чувствуетъ каррикатурный смыслъ Кармазинова. Для русскаго литературнаго корифея—да, карриатура; но для французскаго—типическій портретъ. И творческая самовлюбленность, и позировка на всевозможныхъ пьедесталахъ, и щегольство красивыми идейками въ ювелирныхъ словечкахъ, и безобидное вольномысліе наслѣдственнаго, но потертаго въ поколѣніяхъ, вольтеріанства, и любующееся прелестями своими остроуміе, которое свѣтитъ, да не грѣветъ, и—главное—стиль, стиль, стиль... Изъ 40 безсмертныхъ академій болѣе или менѣе Кармазиновыхъ—добрая половина. Анатолю Франсу—Кармазиновъ въ высокой степени.

Когда Кармазиновъ читалъ свое «Mercl»,—

— «Вы вовсе никогда не видали Анка Марція, это все слогъ!—раздался вдругъ одинъ раздраженный, даже какъ бы наболѣвшій голосъ».

Анатолю Франсу нѣ приходится слышать столь непочтительныхъ возраженій, но онъ тоже не видалъ семи жёнъ Синей Бороды, и—«это слогъ».

А вотъ покойный Антонъ Павловичъ Чеховъ ихъ видѣлъ. Я живо помню его юмористическую обработку сказки о Синей Бородѣ, написанную по просьбѣ издателя «Будильника», В. Д. Левинскаго. Была она объемомъ около $\frac{1}{4}$ печатнаго листа,—ну, можетъ быть, дотянула бы до половины,—но на этомъ коротенькомъ пространствѣ уловила семь живыхъ и мѣтко схваченныхъ женскихъ типовъ. Было и въятеро короче, и веселѣе, и глубже, и просто умнѣе, взрослѣе, что-ли, чѣмъ у Анатоля Франса.

Въ Марксовскомъ собраніи сочиненій Чехова этой вещицы нѣтъ. Послѣ напрасныхъ поисковъ по томамъ, я, заинтересованный этою прѣпажею, вообще переизслѣдовалъ содержаніе первыхъ выпусковъ и убѣдился, что огромныя залежи матеріала, разбросаннаго молодымъ Чеховымъ по юмористи-

ческимъ журналамъ восьмидесятихъ годовъ, еще едва тронуты. По первому же приступу, притомъ только по голой памяти, безъ матеріала передъ глазами, я припомнилъ 15 чеховскихъ разсказовъ и набросковъ въ періодѣ 1882—86 годовъ, которыхъ нѣтъ въ Марксовскомъ собраніи. Я не запоминаю названій, но сюжеты, отдѣльныя фігуры, удачныя фразы и словечки крѣпко держатся въ моей памяти. Такъ, напримѣръ, нѣтъ—направленнаго противъ классической системы образованія—превосходнаго разсказа о томъ, какъ А. П. Чеховъ, будто бы, обучалъ котенка ловить мышей и довелъ несчастнаго до того, что тотъ—уже взрослымъ котомъ—удиралъ, завидѣвъ мышъ, какъ отъ чорта. Нѣтъ разсказа, въ которомъ, пожалуй, уже слышались ноты будущей «Дуэли»: разговоръ на бульварѣ между двумя молодыми людьми—одинъ уравновѣшенный работникъ, трудолюбивая пчела, а другой—хвастунъ, неврастеникъ, дармождъ, прототипъ Лаевского. Объ анонимномъ матеріалѣ, заключенномъ по преимуществу въ «Будильникѣ» указанныхъ годовъ я уже не говорю. Вотъ вмѣсто того, чтобы пасквили на Чехова писать, г. Ежовъ лучше этими раскопками занялся бы. А ему это трудъ доступный, потому что, начиная съ 1884 (а, можетъ быть, и раньше?) года, г. Ежовъ и А. С. Лазаревъ-Грузинскій, — ближайшіе подражатели Антоши Чехонте—стояли къ «Будильнику» очень близко. Что касается 1882 и 1883 годовъ, тутъ, пожалуй, теперь, за множествомъ смертей и прочихъ выбытій изъ литературы, только я могъ бы дать нѣкоторыя указанія и по тѣсной прикосновенности моей къ тогдашнему «Будильнику», и по близкой дружбѣ съ покойнымъ А. Д. Курепинымъ, его аккуратнѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ редакторомъ. Вотъ кто—Александръ Дмитріевичъ Курепинъ—по настоящему-то, первый «открылъ» Чехова и вытянулъ его въ постоянную работу. Правда, открылъ его для «Будильника», но—лиха бѣда начать, и—«отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла».

Раскопки чеховскія производить надо съ оглядкою и съ комментаріями. А то недавно гдѣ-то перепечатаны были нѣкоторые изъ забвенныхъ чеховскихъ рассказовъ, и въ критикѣ были высказываемы патетическія сожалѣнія, что Чехову—лишь бы пробить себѣ дорогу—приходилось писать даже «повѣсти изъ венгерской жизни». Между тѣмъ,—если только дѣло идетъ о большой повѣсти,—она имѣла своимъ происхожденіемъ шуточное пари между А. Д. Курепинымъ и Чеховымъ, что послѣдній напишетъ повѣсть изъ венгерской жизни, которую всѣ примутъ за переводную изъ Мавра Іокая*). Когда изслѣдователь разбираетъ Чехова, то—почти при каждомъ возникающемъ сомнѣніи онъ имѣетъ право прежде всего заподозрить: не было ли тутъ какой-либо рѣзвой шутки или веселой мистификаціи? Иначе вѣдь и «Сладострастнаго мертвеца» можно въ серьезъ принять. Или повѣсть о демонической дѣвицѣ, которую перелюбили всѣ рѣшительно мужчины, дѣйствующіе въ этомъ произведеніи, и только съ кучеромъ вышла у нея непріятность: не то онъ ее кнутомъ, не то она его хлыстомъ,—а потомъ у нея, за ея преступленія, сдѣлалась мертвая голова, такъ-таки вотъ совсѣмъ какъ у покойницы, и, наконецъ, она, въ качествѣ наказаннаго порока и къ торжеству добродѣтели, погибла, увязнувъ въ грязной глинѣ знаменитой Кукуевской катастрофы.

Cavi di Lavagna.

1909. IX. 25.

IV.

Переслали мнѣ новое сочиненіе г. Ежова «Моя статья о Чеховѣ», въ которой авторъ чинить расправу съ недовольными его первымъ сочиненіемъ. Ругается добрый человѣкъ, дай

*) См. мои «Курганы», 2-е изданіе, 1909, Спб.

Богъ ему здоровья, безъ передышки. Пишетъ г. Ежовъ противъ гг. Измайлова, Сакулина, Григорія Петрова и меня. На г. Измайлова у г. Ежова еще достало хладнокровія и сравнительно приличнаго тона. Г. Сакулинъ, по мнѣнію г. Ежова, вступился противъ него за облитое грязью имя Чехова только потому, что г. Ежовъ когда-то напечаталъ какую-то неодобрительную рецензію о какой-то «Галлерей русскихъ писателей», изданной (лѣтъ этакъ десять назадъ?) г. Скимунтомъ подъ редакціей гг. Шулятикова, Игнатова и Сакулина. «И затаилась жажда мщенія въ душѣ озлобленной его». Страшные люди эти русскіе приватъ-доценты! Всего въ одной трети былъ оскорбленъ г. Сакулинъ, и то—какъ долго помнить и жестоко мстить! Что же было бы, если-бы на его долю выпало цѣлое оскорбленіе? Главная ненависть г. Ежова—Григорій Петровъ. Ему и достается максимумъ ругани, восходящей до сравненій, которыхъ въ русской журналистикѣ «старожилы не запомнятъ», а потому къ повторенію неудобныхъ.

Со мною г. Ежовъ сражается двояко: то сажай смажетъ, то, въ утѣшеніе, конфетку дастъ. Конфеты свои г. Ежовъ можетъ оставить при себѣ: не ѣмъ. Что же касается мазковъ сажею, то, будь я даже вдесятеро хуже, чѣмъ ругаетъ меня г. Ежовъ, это ни на волосъ не двигаетъ насъ къ доказательству, что г. Ежовъ, взводя на Чехова позорящія поклёпы, имѣлъ на то фактическія данныя, а, слѣдовательно, и нравственное право. Г. Ежовъ оскорбляется, что я назвалъ его статью «пасквилемъ», и предлагаетъ мнѣ взять это слово обратно. Съ удовольствіемъ взялъ бы, если-бы г. Ежовъ доказалъ мнѣ фактами, что Чеховъ былъ, дѣйствительно, такой дурной товарищъ и безцеремонно сухой человѣкъ, какимъ написалъ его г. Ежовъ. Но, къ сожалѣнію, г. Ежовъ только ругаетъ насъ, съ нимъ несогласныхъ, а къ доказательствамъ, повторяю, не дѣлаетъ ни шага. При такой системѣ защиты, даже предлагаемый г. Ежовымъ компромиссъ—считать его статью «ошибкою, вздоромъ, только не пасквилемъ»—не под-

ходить. И, несмотря даже на угрозу г. Ежова считать меня, въ случаѣ упорства моего, «человѣкомъ недалекимъ», я ужъ лучше какъ-нибудь перенесу это горе, но до тѣхъ поръ, пока не встрѣчу логическихъ причинъ къ отказу, предпочту остаться при своемъ мнѣніи.

Г. Ежовъ все старается доказать, что ему не за что быть благодарнымъ Чехову въ его нововременскомъ устройствѣ. Я придаю этому пункту такъ мало значенія, что охотно уступилъ-бы его г. Ежову, если-бы для памяти моей онъ не былъ фактомъ твердой опредѣленности. Такъ какъ я уже писалъ о томъ по поводу замѣтки въ «Новой Руси», то избѣгу повторяться. Фактъ приведенъ мною не для характеристики г. Ежова: благодаренъ или неблагодаренъ г. Ежовъ Чехову-ли, другому-ли кому, ни мнѣ, ни публикѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Но для характеристики Чехова заботливое отношеніе къ товарищу, въ способности котораго онъ вѣрилъ, —типическая иллюстрація какъ разъ той области сердца, на которую г. Ежовъ позволилъ себѣ грубые и неправыя нападки. Вотъ и все. Г. Ежовъ почитаетъ фактъ чеховской рекомендаціи почему-то оскорбительнымъ для себя и желаетъ быть обязаннымъ всецѣло А. А. Суворину (сыну). Относительно послѣдняго я не имѣю никакихъ основаній не вѣрить г. Ежову, но что же изъ того слѣдуетъ? Только, что г. Ежовъ, значить, былъ именинникъ и на Антона, и на Онуфрія. Не могу не прибавить, однако, что «Новая Русь», нынѣшній органъ А. А. Суворина, назвала уже письмо г. Ежова, напечатанное въ «Новомъ Времени», «куръезнымъ способомъ защиты». Долженъ сказать и то, что—зная А. А. Суворина семнадцать лѣтъ, работавъ съ нимъ вмѣстѣ по массѣ газетныхъ вопросовъ, обмѣнявшись многими дюжинами писемъ, переживъ десятки согласій и споровъ, ладовъ и неладовъ, совсѣмъ разоидясь, наконецъ, года три тому назадъ,—я рѣшительно отказываюсь узнать его въ томъ редакціонномъ самодурѣ, странный портретъ котораго, съ комплиментами, написалъ г. Ежовъ.

Г. Ежовъ усматриваетъ промахъ и даже «доносъ» (*excusez du peu!*) въ моемъ удивленіи, «какимъ образомъ въ журналѣ, гдѣ стоитъ подпись издателя Суворина, можетъ появиться статья противъ Чехова», и напоминаетъ мнѣ, что «въ журналѣ, гдѣ напечатана статья, существуетъ редакторъ, имѣющій право выбора статей. Этотъ редакторъ не ограниченъ г. Суворинымъ узкими рамками, гдѣ было бы указано—это печатать, а вотъ этого не печатать. Говоря такъ, г. Амфитеатровъ оскорбляетъ редактора» и т. д. Именно совершенное нежеланіе оскорбить редактора «Историческаго Вѣстника» удерживаетъ меня отъ заслуженнаго рѣзкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкаго отвѣта на эти строки—по меньшей мѣрѣ странныя. Скажу мягко. Мнѣ извѣстно, что редакторъ «Историческаго Вѣстника», издаваемого А. С. Суворинымъ, подписываетъ журналъ свой не съ тою безразличною безмятежностью, какъ подписывали покойные М. П. Федоровъ, Ѳ. И. Булгаковъ и не знаю, кто теперь подписываетъ «Новое Время», тоже «издаваемое» А. С. Суворинымъ. То были и суть соломенные *Sitzredaktor*'ы по вольному найму, а редакторъ «Историческаго Вѣстника» руководитъ журналомъ фактически. Но знаю и то, что извѣстный литераторъ въ издателяхъ—не случайно тряхнувшій мощною малограмотный купецъ, который чуть-ли не послѣдній узнаетъ, что въ его органѣ напечатано. Издательская отвѣтственность А. С. Суворина за журналъ далеко не только матеріальная, да и не могла бы быть только матеріальною, даже если-бы самъ Суворинъ того хотѣлъ: громкое имя обязываетъ. Знаю также, что А. С. Суворинъ—не ребенокъ, чтобы ставить свой литературный бланкъ, «шутя, какъ дитя, въ безопасности своей», на любомъ моральномъ обязательствѣ, которое ему предложить свой человекъ, хотя бы и надежный. Еще полагаю что, какъ бы ни была широка диктатура редактора «Историческаго Вѣстника», о которой говорить г. Ежовъ, журналъ этотъ все же не по секрету отъ издателя своего выходитъ, и чтеніе его А. С. Суворину не воспрещено. И, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, о роли А. С.

Суворина въ появленіи статьи г. Ежова на страницахъ «Историческаго Вѣстника» я продолжаю недоумѣвать.

Г. Ежовъ напрасно выдвигаетъ на сцену г. редактора «Историческаго Вѣстника». Къ послѣднему общество не можетъ предъявить большихъ претензій: онъ въ своемъ правѣ. Статья г. Ежова, какъ историческій матеріалъ, не противорѣчитъ программѣ журнала, написана складно, съ Чеховымъ редакторъ близокъ не былъ, а г. Ежовъ близокъ былъ, питать недовѣріе къ г. Ежову не было никакого основанія, — редакторъ могъ принять статью *bona fide*. Больше того: если-бы даже редакторъ «Историческаго Вѣстника» лично раздѣлялъ дурные взгляды г. Ежова на Чехова и пустилъ ежовскую статью умысленно и по убѣжденію, то, и въ такомъ случаѣ, оставалось бы лишь изумляться, что опытный старый литераторъ ставитъ себя въ неловкое и рискованное положеніе, но, въ концѣ-то концовъ, — его вкусъ, его вѣра, его направленіе, — находитъ онъ почему-то нужнымъ положить на журналъ свой дегтярное клеймо, — ему и смывать, его дѣло редакторское. Словомъ, между именемъ редактора «Историческаго Вѣстника» и именемъ Чехова стоитъ смягчающее обстоятельство «чужести». А. С. Суворинъ, нѣжнѣйше влюбленный въ Чехова до конца дней его, не можетъ вѣрить г. Ежову, что Чеховъ былъ дрянцо-человѣкъ, потому что А. С. Суворинъ лучше и дольше, чѣмъ кто-либо другой въ литературѣ, знаетъ, что Чеховъ былъ человѣкъ свѣтлый и прекрасный. И, зная это, А. С. Суворинъ не можетъ желать, чтобы въ народъ шли лжи о Чеховѣ, а, слѣдовательно, не можетъ и быть ихъ издателемъ. И видѣтъ его издательскую подпись подъ книжкою «Историческаго Вѣстника», запятнанною неправыми нападками на Чехова, для меня, по прежнему, остается самою невѣроятною, болъною и тяжелою подробностью во всемъ «инцидентѣ». Настолько волнующею, что, не будь ея, и весь-то инцидентъ не стоилъ бы ломаннаго гроша, и давно можно было бы о немъ позабыть. Отъ того, что г. Ежовъ вымѣрилъ Чехова своимъ

аршиномъ, Антонъ Павловичъ не сталъ ни больше, ни меньше, ни лучше, ни хуже, ни ярче, ни сѣрѣе. Брюзжить что-то г. Ежовъ, ну, и пусть его себѣ брюзжить. Но когда г. Ежовъ пускаетъ въ ходъ аршинъ свой подъ Суворинскую фирмою, тутъ уже есть, чѣмъ озадачиться. Отношенія между покойнымъ Чеховымъ и А. С. Суворинымъ—это не обывательское знакомство и даже не простая дружба двухъ писателей: это уже, въ нѣкоторомъ родѣ, «исторія русской литературы»... Суворинъ—важная страница въ жизни Чехова. Чеховъ—свѣтлая страница въ біографіи Суворина. Въ свѣтлыя воды не надо валить мусору. Даже ошибкой. И—угрюмое это дѣло: на поляхъ свѣтлой страницы обрѣсти нехорошія слова, начертанныя безъ пониманія случайною, чужою рукою.

Cavi di Lavagna.

1909. XII. 13.
